

РИЯ МИЛЛЕР

СИМФОНИЯ БЕЗУМИЯ

ЧАСТЬ 2

АРИЯ МЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

New Adult. Нота мести

Рия Миллер

Симфония безумия: Ария мести

«Автор»

2026

Миллер Р.

Симфония безумия: Ария мести / Р. Миллер — «Автор»,
2026 — (New Adult. Нота мести)

2 часть дилогии «Симфония безумия»! Он не помнит ее. Она не может забыть его. Вместе они превратят сцену в эшафот. Адриан очнулся от комы с пустотой вместо прошлого. Валери считают мертвой, но она – солистка в группе своего отца, вшивающая в каждый хит зашифрованные улики. Ее голос – навязчивая мелодия, которую он не может выбросить из головы, и главное оружие в тайной войне. Их месть станет симфонией, которую услышит весь мир. Их доказательства взорвутся на экранах стадиона в прямом эфире. Но цена правды окажется последней жертвой. Что останется, когда смолкнет музыка мести? И кто они друг для друга – палачи, союзники или спасение?

© Миллер Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

66

Рия Миллер

Симфония безумия: Ария мести

Они репетировали месть.

Сыграли страсть.

Дисклаймер

Все события, персонажи и места, описанные в этом произведении, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны и непреднамеренны.

ВАЖНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Данное произведение содержит сцены, которые могут быть травмирующими для некоторых читателей:

Психологическое насилие;

Токсичные отношения с элементами психологической манипуляции;

Графичные описания самоповреждений;

Симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и диссоциативные состояния;

Употребление алкоголя, табака, упоминание наркотических веществ;

Сцены жестокости и эмоционального абьюза;

Нецензурная брань;

Откровенная сцена с участием дирижерской палочки;

Автор категорически не романтизирует и не пропагандирует описанные деструктивные модели поведения. Текст представляет собой художественное исследование психологических травм и их последствий.

Произведение предназначено исключительно для взрослой аудитории (18+). Читателям, имеющим личный опыт травмы или психологические особенности, рекомендуется соблюдать осторожность.

Мнения и действия персонажей не отражают точку зрения автора или издательства. Если вы столкнулись с подобными проблемами в реальной жизни, обратитесь за профессиональной помощью.

ПРОЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ КАДР

Lana Del Rey – «Ride»

7 лет назад. За несколько часов до аварии.

Видеозапись от Сабрины, сестры Селены Вайс.

Тени плясали по стенам роскошного зала, цепляясь за позолоченные рамы картин и скользя по зеркальному паркету, словно невидимые пауки плели паутину из света и тьмы. За высокими окнами, обрамленными бархатными шторами цвета запекшейся крови, бушевала гроза, молнии рассекали небо, на миг освещая зал холодным синим светом, а раскаты грома сливались с далеким эхом рояля, будто сама природа аккомпанировала этому спектаклю. У инструмента, чья черная лакированная поверхность отражала вспышки света, стояла Сабрина.

Ее атласное платье отливало бордовым, как свежий разрез на теле, а распущенные волосы казались живыми, шевелясь при каждом порыве ветра, проникавшего сквозь щели старинных рам.

На штативе перед ней тихо жужжал телефон, красная точка записи мерцала, как глаз циклопа.

– Если ты смотришь это, Селена... – ее голос звучал непривычно тихо, без привычной театральной звонкости. В нем слышалось только усталое спокойствие. –...значит, я не успела все объяснить лично. А твой муж уже начал свой «спектакль». Но у меня другой сценарий...

Она провела пальцами по крышке рояля, оставляя следы на полированной поверхности. Затем медленно, будто совершая священный ритуал, положила перед камерой маленькую темную флешку, холодную как хирургический скальпель, старинный перстень с перевернутой «V» и гравировкой «Veritas», и папку с документами, чьи острые углы оставляли крошечные порезы на ее тонкой коже.

– Ты примешь мою жизнь, а я – твою смерть, – Сабрина улыбнулась, но в этой улыбке не было ни капли радости. Только решимость. – Ты станешь мной, а я... ну, я просто исчезну. Как героиня из моих фильмов.

За ее спиной бархатные шторы внезапно взметнулись, словно невидимая рука рванула их в порыве ярости. В кадре мелькнула тень – высокая, нечеткая, с расплывчатыми контурами. Экран погас. На секунду воцарилась тишина, нарушаемая только завыванием ветра. Затем всплыл скриншот последней переписки сестер-близнецов: *«Прости. Но правда должна прозвучать только из твоих уст, Селена.»*

ГЛАВА 1 БАБОЧКА В МИНОРЕ

Max Richter – «On the Nature of Daylight», Hania Rani – «Glass», Radiohead – «Pyramid Song», Nils Frahm – «Says», Portishead – «The Rip»

Для кого-то музыка – спасение, свет, отдушина в этом хаосе. Для других – яд, медленно разъедающий душу, правда, от которой не спрятаться.

Именно это и чувствовала Валери Вайс. Музыка стала ее проклятием. Не просто фоном жизни, а роковым эхом, преследующим с того самого вечера. Тогда в салоне автомобиля, сквозь шум и тихий треск радио, прозвучали слова матери из песни:

«Я всегда буду с тобой, ангел мой... Я всегда буду твоей вечно горящей звездой.»

А через мгновение – ослепляющий свет фар, скрежет металла, удар.

И все. Больше не было «до». Только «после».

Когда Валери наконец удалось затолкнуть нахлынувшее воспоминание обратно в темный угол сознания, она медленно перевела взгляд на окно. За стеклом ночь раскинулась густой чернильной тушью, лишь редкие огни больничного парка мерцали, как забытые кем-то угольки.

Селена-Сабрина в это время с легким шорохом опустилась в кресло. Холодный свет экрана выхватил из полумрака ее лицо, когда она включила телефон. Губы дрогнули в едва уловимой гримасе – там, под последним постом Александры, бушевал именно тот ядовитый восторг, которого она и ожидала. Все шло как по нотам.

Валери между тем поймала в тетином взгляде что-то неуловимо знакомое. На мгновение перед ней будто возник призрак матери – та же глубина во взоре, тот же едва заметный тремор век. Сердце сжалось, но она резко оборвала этот мысленный поток, заполнив тягучую больничную тишину вопросом, который жгло изнутри:

– Почему после смерти Селены ты исчезла? Только деньги... Ни слова, ни объяснений.

Селена медленно подняла глаза. Хуже всего было именно это – смотреть в эти глаза, так похожие на ее собственные, и лгать. Лгать, притворяясь тетей, зная, что правда раздавит

хрупкий мир дочери. Телефон с тихим шелчком лег на тумбу, когда она собралась с духом и ответила голосом *Сабрины* – чуть более высоким, чуть более резким, чем ее собственный:

– Горе... оно у всех разное. Ты зарывалась в книги с головой, как в бункер. А я... Мне нужны были чужие жизни, чужие слезы на экране. Только так я могла дышать. Только так боль становилась... не моей.

В палате снова повисла тишина, густая, как тот самый чернильный мрак за окном. В какой-то момент Валери снова взяла партитуру. Пожелтевшие страницы шуршали под дрожащими пальцами, а в горле стоял ком, который она с трудом сглотнула. Взгляд скользил по нотам, цепляясь за пометки на полях – резкие, угловатые, словно выцарапанные карандашом маэстро.

Тишина растянулась на несколько тягучих минут, прежде чем ее голос, хрупкий, как первый лед, разорвал молчание:

– В тот вечер... – она провела пальцем по пятому такту, оставив на бумаге едва заметную влажную тень, – за несколько часов до аварии мы с Мари и мамой репетировали Реквием по мечте.

Партитура в ее руках вдруг стала тяжелее.

– В пятом такте я ошиблась. Вместо ре – до. – Губы искривились в горькой полуулыбке. – Забавно, правда? Здесь... в этой партитуре... пятый такт заканчивается именно той нотой, которую я тогда сыграла неправильно.

Селена сжала кулак так, что ногти впились в ладони. Каждое ее дыхание было четко выверено, иначе – она сорвется, упадет на колени перед дочерью, заплетет эти черные пряди за ее ухо, как делала раньше, когда Валери, маленькая, засыпала за роялем...

– В школе искусств... – Валери оторвала взгляд от нот, не видя, как тетю передергивает при этих словах, – когда я впервые сыграла первый такт, вспомнила... Мама однажды что-то прятала. Под крышку нашего рояля. Какую-то папку.

Селена замерла. Воздух в палате вдруг стал густым, как сироп. Она ловила каждое движение дочери – дрожь ресниц, нервный вздох, едва заметное подрагивание пальцев на нотах – словно перед ней была не партитура, а карта минного поля ее прошлого.

– Как думаешь... – Валери медленно подняла глаза, и ее взгляд, тяжелый от невысказанных вопросов, уперся в тетю, – что могло быть в той папке?

Горло *Селены* сжалось. Каждое слово правды горело на языке, но *Сабрина* лишь равнодушно пожала плечами, искусно изобразив на лице легкую задумчивость. Валери изучающе всматривалась в черты «тети» – эту игру в неведение, этот тщательно выстроенный образ.

И вдруг – золотая вспышка на бледно-розовой блузке. Цепочка. С кулоном в виде бабочки, чьи тонкие крылья дрожали при каждом вдохе Селены. Валери узнала ее мгновенно. Тот самый подарок на день рождения – хрупкое золотое создание, так похожее на саму Сабрину. *Настоящую Сабрину*. Ту, что порхала между людьми, оставляя за собой шлейф смеха, ту, чьи шутки могли разогнать даже самую черную тоску. Бабочку в человеческом обличье – яркую, блистательную, невесомую... А теперь был лишь холодный металл на груди у женщины, которая притворялась ею.

– Если бы сейчас вместо тебя сидела мама... – голос Валери дрогнул, словно струна, перетянутая до предела, – знаешь, что бы я спросила у нее?

Селена почувствовала, как ледяные пальцы сжали ее сердце. Но маска Сабрины оставалась безупречной – лишь едва заметное движение век выдавало внутреннюю бурю.

– Я бы спросила... – Валери впилась ногтями в ладони, – почему она бросила меня в этом аду... а сестру забрала с собой.

Слова, острые как осколки стекла, вонзились Селене между ребер. Она едва сдержала вздох, когда дочь продолжила:

– Теперь, когда голос вернулся ко мне... знаешь, чего я боюсь больше всего? – Пауза повисла, густая, как предгрозовая мгла. – Стать твоей тенью... и получить нож в спину. От тебя, мама.

В тот же миг за окном разорвался оглушительный гром. Валери вздрогнула и резко села на кровати, сбрасывая с себя остатки сна. Взгляд метнулся к креслу – «тетя» спала, лицо мирное, будто невинное.

Пальцы сами потянулись к партитуре у ног. В тишине палаты вдруг отозвался голос Сабрины, словно призрак между тактов:

«Мертвые мстят громче живых, Вэл...»

Гром за окном отдался новым раскатом, и ноты на бумаге вдруг показались кроваво-красными.

ГЛАВА 2

Ария демонов

«Seven Devils» – Florence + The Machine, «Black No. 1 (Little Miss Scare-All)» – Type O Negative, «The Killing Moon» – Echo & The Bunnymen, «Lullaby» – The Cure

Утро в Геллосанде встретило город тревожным гулом. По всем новостным каналам, из радиоприемников, с экранов телефонов лилась одна и та же навязчивая тема: *«Джека Леймана отравил Габриэль Рид?»* Анонимный пост в соцсетях, будто искра в сухой траве, разгорелся в пожар – миллионы просмотров, репостов, сотни тысяч комментариев, шепот на улицах, взгляды, полные подозрения.

А сам Габриэль в это время сидел в душном помещении полицейского участка, где пахло старым кофе и пылью. Всего час назад он пил эспрессо на балконе своего особняка, наблюдая, как первые лучи солнца золотят океан Геллосанда. Теперь же его окружали голые серые стены, мерцающая лампа и бесстрастный детектив, упорно вбивавший вопросы, как гвозди в крышку гроба.

– Вы серьезно верите тому, что какой-то аноним написал обо мне в соцсетях? – голос Габриэля прозвучал резко, почти с вызовом.

Детектив даже не поднял глаз. Его пальцы скользили по клавиатуре ноутбука, где на экране плыли волны полиграфа – синие, ровные линии, прерываемые внезапными скачками. *Ложь. Правда. Ложь.*

– Господин Рид, не отвлекайтесь, – ответил он ледяным тоном. – В последние месяцы перед смертью маэстро Джека Леймана у вас были с ним конфликты?

Габриэль усмехнулся. Откинулся на спинку кресла, чувствуя, как холодный металл давит на лопатки. Его взгляд скользнул по серой стене, остановившись на зеркальном стекле, матовом и непроницаемом. За ним наверняка стоят люди. Смотрят. Судят.

Он даже не подозревал, что среди них была и Александра. Его жена. Та самая, чьи пальцы так нежно касались его плеч прошлой ночью. Та самая, чей голос сейчас молчал, пока ее пост разрывал его жизнь на части.

Она была анонимом.

А за окном, за стенами участка, город продолжал жить, шуметь, обсуждать. Уже решали его судьбу.

– О каких конфликтах может идти речь, – голос Габриэля дрогнул, впервые за весь допрос, – когда Джек был... – он сделал паузу, словно подбирая слова, – не просто другом, а кровным братом, которого у меня никогда не было?

Волны на полиграфе взметнулись в хаотичном танце, линии рвали график, как ножницы ткань. Детектив, не меняя выражения лица, медленно открыл потрепанную папку. Скрип кожных переплетов прозвучал громче выстрела в гробовой тишине кабинета для допросов.

Фотография скользнула по столу, остановившись перед Габриэлем. 18-летний «Гленфиддик». Бутылка стояла под углом, будто застыла в падении. В мозгу Рида вспыхнула кинематографичная картина: его пальцы, сжимающие флакон с бесцветным порошком, дрожь в руках, когда он сыпал яд в бокал, пока Джек, смеясь, отвернулся к окну, отвечая на звонок...

– В особняке Леймана нашли разбитый хрустальный бокал, – детектив постучал ногтем по фото, – с остатками этого виски. – Его голос стал тише, опаснее. – Врачи ошиблись. Не инфаркт. Цианид.

Из второго конверта он извлек прозрачный пакет. Кожаные перчатки. Когда-то безупречные, теперь – с рваными швами и бурыми пятнами засохшей крови. Те самые, что Габриэль уронил у фонтана, когда, порезавшись о осколок вазы (проклятая небрежность!), спешил к машине, слыша за спиной хриплые предсмертные вопли Джека...

– Узнаете? – детектив бросил пакет на стол. Пластик шлепнулся, как тело в воду.

Габриэль медленно поднял глаза. В его взгляде не было ни страха, ни раскаяния – только холодное любопытство, словно он рассматривал не улику против себя, а странное насекомое.

– В такую погоду? – он усмехнулся, откидываясь на спинку стула. – Октябрьский ветер – не сибирская зима, чтобы прятать руки. – Его пальцы сплелись в замок, безупречно чистые ногти блестели под люминесцентными лампами.

Они смотрели друг на друга через стол – один с ледяным спокойствием, другой с профессиональной отстраненностью. Но между ними витал призрак: окровавленный рот Джека, его пальцы, впившиеся в горло, и... эта улыбка. Та самая, с которой Габриэль наблюдал, как умирает его «брат».

Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Лишь тихое жужжание камеры, ее красный глазок нервирующе мигал в углу, фиксируя каждую деталь. Воздух был густым от невысказанных обвинений, когда дверь с глухим стуком распахнулась.

Цокот каблучков по бетонному полу разрезал напряженную тишину. В проеме возникла женщина – черное пальто небрежно распахнуто, обнажая кроваво-алую блузу, будто вызов серым стенам участка. Габриэль непроизвольно замер, его пальцы сжали подлокотники кресла. На мгновение ему показалось... Но нет – каскад баклажаново-бордовых волос, чуть более резкие черты лица. Селена-близнец. Сабрина.

Она бросила на стол белую флешку, которая звеняще проехала по поверхности, остановившись перед детективом.

– Прежде чем обвинять господина Рида, – ее голос звучал как удар хлыста, – советую изучить записи с камер наблюдения. Все.

За зеркальным стеклом Александра едва сдержала улыбку. Внезапно перед ее глазами всплыло утро – терраса кафе, соленый бриз с океана, играющий в их бокалах с шампанским.

– Сначала спектакль, – шептала тогда Селена, обводя пальцем край бокала. Алый лак на ее ногтях казался каплями крови. – Ты добываешь компромат, а я... Я стану любовницей твоего мужа. Надеюсь, ты не против?

Александра в воспоминании медленно провела пальцем по своему бокалу, оставляя след на запотевшем стекле.

– Мы с Габриэлем давно не делим постель, – ее голос звучал медово-сладко, но глаза оставались холодными. – Но если понадобится сыграть ревнивую жену... О, поверь, я справлюсь блестяще.

Их смех тогда смешался с криками чаек, а бокалы, столкнувшись, запели хрустальным звоном.

– За нас!

Реальность вернулась резко, когда Александра моргнула, снова видя перед собой кабинет допроса. Селена (нет, Сабрина) стояла, положив руку на бедро, ее ногти – те же алые когти – постукивали по коже в нетерпеливом ритме. На столе флешка лежала как обвинение, как ключ, как... Спасение?

Габриэль поднял бровь, его глаза метнулись к зеркалу – он чувствовал, знал, что за ним кто-то есть. Игра началась.

Детектив медленно взял флешку, ощущая ее холодный металл под пальцами. Казалось, крошечный носитель весил тонну – столько в нем было скрыто лжи. Раздался щелчок, когда он вставил ее в ноутбук, звук, прозвучавший в тишине кабинета громче выстрела.

Экран вспыхнул синим светом, отбрасывая мертвенные блики на его каменное лицо. На видео плавно разворачивался двор Лейманов – идеально подделанная картинка, где из черного джипа выходил Валентин. Каждый кадр был отточен до совершенства, каждый пиксель лгал с безупречной убедительностью.

Губы детектива чуть дрогнули. Он знал правду. Знал, что несколько часов назад в его кабинете Александра, положив на стол толстый конверт, произнесла те самые слова:

– Я сделаю вас самым влиятельным детективом в городе... Если вы сохраните это между нами.

Ее голос тогда прозвучал как шепот соблазнителя, а конверт скользнул по полированной поверхности стола с мягким шуршанием, обещая больше, чем просто деньги – власть.

Сейчас же он поднял глаза на Габриэля. Взгляд их встретился – в одном холодное высокомерие, в другом – подавленная ярость.

– Вы свободны, господин Рид. Прошу прощения... Ошибка.

Фраза повисла в воздухе, горькая как пепел. Габриэль встал резким движением, срывая с себя датчики полиграфа. Провода упали на пол с глухим стуком, словно мертвые змеи.

– За следующую такую ошибку будешь мыть унитазы в самом грязном участке города, – бросил он через плечо, уже направляясь к выходу. Каждое слово било точно в цель, оставляя на лице детектива едва заметную тень унижения.

За зеркальным стеклом Александра позволила себе тонкую улыбку. Ее план сработал безупречно. Конверт, поддельное видео, купленный детектив – все это было лишь первыми ходами в гораздо более сложной игре. А пока... Пока ее муж выходил на свободу, даже не подозревая, что его спасение – всего лишь часть чужого замысла.

Резкий стук каблучков эхом разносился по холодному коридору полицейского участка. Селена-Сабрина, развевающаяся словно алое знамя в своем пальто, почти бежала за стремительно удаляющейся фигурой Габриэля.

Он внезапно остановился у поворота, резко развернувшись – так резко, что Селена едва не врезалась в него. За окнами клубилась возбужденная толпа журналистов, их камеры и микрофоны, подобно щупальцам, жадно тянулись к зданию в ожидании сенсации.

– Зачем ты вернулась? – голос Габриэля был низким, насыщенным ядом. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, когда он впился взглядом в знакомые, но чужие черты лица.

Селена замерла, на мгновение приняв характерную позу Сабрины – легкий наклон головы, игриво приподнятая бровь, томный изгиб губ. Маска легла идеально.

– И это твое «спасибо»? – ее голос звучал как сладкий яд, а губы кривились в пародии на обиду. – Впрочем, ты не меняешься, Габи.

Каждое слово было уколом, тщательно рассчитанным.

– Я не просил тебя о помощи, – он бросил фразу сквозь зубы, а в глазах вспыхнули холодные искры гнева.

Селена медленно накрутила прядь своих баклажановых волос на палец, делая театральную паузу.

– Предпочитаешь тюрьму? – ее голос внезапно стал мягким, почти ласковым. – А кто тогда будет дирижировать твоими... симфониями в театре?

Последние слова она произнесла с намеренной двусмысленностью, позволяя им повиснуть в воздухе между ними, словно нотные знаки незаконченной мелодии.

За окном внезапно вспыхнули фотокамеры, осветив их лица мерцающим синим светом, когда на миг они застыли, как актеры на сцене перед кульминацией спектакля. Последовала тишина. Всего секунда, но она растянулась, как предсмертный вздох. Габриэль замер, его глаза, холодные и расчетливые, скользнули по ее лицу, выискивая слабость.

И тогда на лице расцвела *улыбка*. Не теплая, не дружелюбная. Искривленная, почти *неестественная*, как будто мышцы лица на мгновение забыли, как изображать человеческие эмоции.

Он шагнул вперед, резко и агрессивно, нарушая границы. Горячее дыхание обожгло ее кожу, когда он наклонился к самому уху, губы *почти* коснулись мочки.

– Ты правда думаешь, что я не знаю, кто *ты*?..

Шепот был тихим, но каждое слово впивалось, как лезвие. Ее сердце пропустило удар, предательский и громкий, словно готовый вырваться наружу. Но *лицо*... Лицо осталось безупречной маской. Годы тренировок, годы лжи сделали свое дело и теперь тело больше не предавало ее эмоций.

– Я знаю, кто я, – голос Селены вдруг приобрел томные, медовые нотки Сабрины. Уголки губ медленно поползли вверх в ухмылке, обнажая слишком белые зубы.

Она намеренно сделала паузу, позволяя каждому слову висеть в воздухе, как нож на тонкой нити:

– Сабрина. Та самая, от которой ты терял голову... Но так боялся ее сестру. Боялся меня с Селеной перепутать.

Пальцы небрежно поправили прядь волос.

– Селены нет уже семь лет. Ты проверял, не так ли?

Его зрачки резко сузились, а она поймала этот микроскопический признак страха.

– Так что бояться тебе... буквально некого.

Габриэль замер на секунду, слишком долгую и слишком неестественную. Потом медленно, как хищник, оценивающий добычу, провел языком по передним зубам. В его глазах вспыхнуло что-то... *Нечеловеческое*.

– *Семь лет?* – голос Габриэля прозвучал мягко, почти ласково, но в каждом слове прятались осколки льда. – Как трогательно... Ты даже не представляешь, *как часто* я «проверял».

Его пальцы, холодные, как сталь наручников, сжали запястье Селены, прежде чем он резко притянул ее так близко, что между их губами остался лишь вздох.

– Но вот что забавно... – Шепотом, словно делясь интимной тайной, продолжал Габриэль. – *Мертвые* иногда возвращаются. Особенно... когда их *очень* ждут.

Его свободная рука скользнула к ее шее, не сжимая, а лишь *ощупывая* пульс, который вдруг участился.

– Ты права, бояться мне некого. – Внезапная улыбка, широкая, *слишком* широкая, обнажающая клыки. – Потому что если Селена *действительно* вернется... ей придется *очень* постараться, чтобы испугать меня.

Селена рассмеялась, звонко и искусственно, как разбитое стекло.

– Ох, как драматично! – Голос ее звучал сладко, но глаза оставались мертвыми, будто замороженными. – Тебе бы в театре только и место... или в психушке.

Ее пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы. Но улыбка не дрогнула – годами отточенный маскарад.

– Но знаешь что? – Селена внезапно замолчала, наклоняясь ближе, пока алые пряди волос скользнули по его щеке, как лезвие. – Мертвые возвращаются только для тех, кто действи-

тельно заслужил их внимание. – Ее губы коснулись его уха в подобии поцелуя. – Хорошего дня, Габи.

Отстранилась с театральным взмахом ресниц, оставляя в воздухе шлейф дорогих духов с едва уловимыми нотами... цианида? Или это ему показалось?

Холодный ветер ударил в лицо, когда Габриэль наконец вырвался на свободу. Его черное пальто, расстегнутое нараспашку, развевалось, как крылья вороны, а взгляд, острый и ядовитый, скользнул по толпе.

Вспышки камер ослепили его – десятки, сотни белых молний, выхватывающих его бледное, бесстрастное лицо. Вопросы сыпались со всех сторон, как град камней:

– Правда ли, что вы отравили Леймана?

– Как вы прокомментируете улики?

– Вам не стыдно?!

Голоса сливались в один гулкий рокот, но Габриэль не моргнул и глазом. Его охрана, массивные тени в черных костюмах, расчистила путь к машине, грубо оттесняя самых настойчивых.

Перед тем как скрыться за тонированным стеклом, он вдруг остановился и медленно повернулся к одной из журналисток, молоденькой и с горящими глазами.

– Произошла ошибка. – Его голос прозвучал мягко, почти ласково, но в каждом слове таился лед. – Советую вам перепроверять факты... – Последовала короткая пауза. – Прежде чем обвинять не тех людей.

Он улыбнулся – холодно, без участия – и скользнул в салон, оставив за собой лишь шепот догадок и треск фотокамер.

Тем временем в полумраке пустого коридора Селена наблюдала, как черный Мерседес Габриэля растворяется в городской мгле. Одной рукой Вайс сжала противоположное плечо, другой прикрывала грудь – пальцы впивались в пальто, словно силой удерживали хрупкое самообладание.

– Только демон может узнать демона, – прошептала хладнокровно Селена.

В этот момент за ее спиной раздался резкий стук каблуков, звучавший как метроном, отсчитывающий шаги Александры. Звук остановился в шаге от нее, повиснув в воздухе вместе с тяжелым ароматом дорогих духов. Александра остановилась в шаге от Селены, ее каблуки вонзились в тишину последним, решительным стуком. Губы растянулись в улыбке, холодной, как лезвие под шелком.

– Как мило. Теперь у нас один труп на двоих.

Селена медленно повернула голову, ее губы искривились в улыбке, лишенной тепла. Взгляд скользнул по Александре, словно ощупывая каждую деталь – от алых ногтей до едва заметной дрожи в уголке губ.

– Если не считать моего мужа... то да, – произнесла она, растягивая слова, будто пробуя их на вкус.

Александра резко щелкнула пальцами, и звук треснул, как выстрел в тишине коридора.

– Точно! – Ее голос звенел фальшивой веселостью. – У нас же есть еще один... *дирижер* в этом оркестре ада.

За окном больницы солнце боролось с тяжелыми свинцовыми тучами, его бледные лучи бессильно скользили по полу, не в силах прогреть холодный кафель. Алекс застыл в инвалидной коляске, его пустой взгляд утонул в сером небе. В памяти всплыл голос Валери, звонкий и безжалостный, будто удар хрустального бокала: *«Ты похоронил себя, Алекс Райн. Навсегда»*. Он сжал подлокотники кресла – ради сестры он действительно стал монстром, растоптав и свою человечность, и доверие той, что когда-то смотрела на него с обожанием.

Тишину внезапно разорвали неровные и шаркающие шаги. Адриан Рид, с головой, обмотанной бинтами, с гипсом, съехавшим на запястье, в мешковатой больничной пижаме, опустился на скамью рядом. Всего три дня назад они мчались навстречу смерти, стальные кони ревели моторами, а теперь... Две искалеченные души. Две пропавшие ноты в симфонии, которую никто так и не услышал.

Адриан долго смотрел в мутное окно, потом медленно, будто преодолевая боль, повернул голову:

– Я почти ничего не помню с того вечера, – его голос был хриплым, словно пропущенным через песок. – Но когда очнулся... первое, что вспомнил – это тебя.

Пауза повисла между ними, густая, как больничный антисептик.

– Ты просил меня защитить Эмму.

При этом имени Алекс резко повернулся, их взгляды столкнулись: один полный вопроса, другой – непроницаемой тьмы.

«*Боже, во что я превратил его?*» – мелькнуло в голове у Алекса. Горечь подкатила к горлу. Он сжал губы, потом все же выдал кривую и безрадостную улыбку:

– Я просил тебя защитить *другую*.

Адриан замер, его бровь медленно поползла вверх:

– Другую?

Тем временем в нескольких шагах от них, за кадкой с увядающим фикусом, замерла Валери. Книга в ее руках внезапно стала тяжелее, пальцы непроизвольно впились в переплет, когда она увидела две согбенные фигуры на фоне больничного окна. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь грязные стекла, рисовал на полу их искаженные тени, словно призраки прошлого.

Адриан медленно повернул лицо к мутному окну, его пальцы судорожно сжали край скамьи, будто пытаясь выловить обрывки памяти из тумана сознания.

– Сегодня утром я еще вспомнил деталь... В тот вечер... – продолжил он прерывисто, словно каждое слово давалось ему с болью. – После падения... Последнее, что я услышал перед тем как отключиться... Ты сказал, что Валери заставила тебя подстроить аварию.

Воздух между ними стал густым от невысказанного. Алекс закрыл глаза, представив ее – ту, что сейчас, возможно, сжимала кулаки где-то за их спинами. Его грустная усмешка была похожа на гримасу боли.

– Это была другая, – прошептал он, обжигая губы каждой буквой. – Не она отдала приказ.

Его ладони обхватили колеса коляски, пальцы впились в резину, когда он начал разворачиваться.

– Тогда кто? – голос Адриана внезапно стал четким, как удар скальпеля.

В этот момент взгляд Алекса наткнулся на Валери. Он замер, их глаза встретились через пространство коридора – в ее взгляде был лед, в его – бездонная синева страдания.

– Та, – голос Алекса сорвался на хрип, – из-за которой мне пришлось похоронить себя живьем. Из-за нее я предал ту, которая была мне дорогá.

Капли мелкого дождя внезапно забарабанили по стеклу, словно природа ставила точку в этом признании. Валери резко развернулась, и шорох ее больничных тапочек гулко разнесся по пустому коридору, смешавшись со звуком захлопнувшейся книги. За собой она оставила лишь терпкий запах свежей типографской краски и горькое послевкусие предательства.

– У нее черные волосы, – голос Алекса дрогнул, словно струна, затронутая ветром. – Глубокие карие глаза... Такие, что даже осень позавидовала бы их теплу. – Его пальцы непроизвольно сжали подлокотники коляски, когда он продолжал: – А улыбка... От нее становится тепло даже в самые холодные ночи. И ямочки на щеках, когда она смеется...

Адриан замер, его дыхание стало поверхностным. Каждое слово вонзалось в сознание, будто вытаскивая из глубин памяти забытые образы.

– Ее музыка, – Алекс закрыл глаза, – ее голос... Они спасли меня когда-то. И с тех пор не покидают мое сердце.

Горькая пауза повисла между ними.

– Это та девушка, которая просила меня... не влюбляться в нее. Но я, – его губы дрогнули, – я нарушил это правило еще тогда.

Вдруг в сознании Адриана вспыхнул яркий кадр: он за рулем, золотистый осенний полдень, бесконечная лента дороги. И тогда – резкий тормоз. Скрип шин. Тишина. И этот голос, прозрачный и хрупкий: «*Не влюбляйся в меня...*»

Его правая рука судорожно впиалась в грудь, сминая больничную рубашку. Под пальцами сердце билось так яростно, будто пыталось вырваться из клетки ребер – туда, где его ждала... Кто? Чей образ упорно ускользал, оставляя лишь боль и сладкий укол ностальгии? Адриан медленно моргнул, словно пытаясь стряхнуть с ресниц наваждение. Его взгляд, тяжелый от невысказанных догадок, скользнул к Алексу. Тишина между ними натянулась, как струна перед разрывом.

– Это... та самая девушка? – голос Адриана звучал хрипло, будто пропущенный через песок. – В которую мы оба когда-то... – он замолчал, пальцы на правой руке непроизвольно сжались в кулак, – влюбились? Та, что украла у нас *оба* сердца?

Алекс невесело и почти по-братски усмехнулся. Его ладонь опустилась на колено Адриана, шлепнув с приглушенным звуком.

– Вспомни ее имя, – прошептал он, – и тогда я скажу... *твоя ли она до сих пор.*

Адриан замер. Его пальцы разжались, затем снова сомкнулись, словно ловили невидимые нити памяти. Губы дрогнули, шепча что-то беззвучное... *имя*, которое вертелось на языке, как проклятый оберег.

– Эм... – начало сорвалось с губ, но мозг яростно блокировал продолжение. В висках застучало.

Он резко вдохнул, будто вынырнув из глубины, и внезапно *улыбнулся*, пусто и без радости:

– Черт. Я... помню только ее те же слова. «Не влюбляйся». А имя... – Пауза. – Как будто его стерли.

Адриан откинулся на скамью, закрыв глаза:

– Знаешь, что самое мерзкое? Я даже не могу понять... *хочу* ли я вспомнить.

Внезапно лицо Алекса преобразилось: черты окаменели, словно вырезанные из ледяного блока. Его взгляд вонзился в Адриана с такой силой, что тот невольно откинулся вновь назад. Врач и медсестра прошли мимо, их шаги слились с тиканьем больничных часов, отсчитывающих последние секунды перед исповедью.

Алекс наклонился ближе, так что его шепот превратился в ледяное лезвие:

– Ты обязан вспомнить все. – Каждое слово падало, как капля яда. – Иначе мафия сделает из тебя марионетку... и тогда единственное, что останется на твоих руках – не твоя кровь. А *ее*.

За окном мелкий дождь стучал по стеклу, словно пытался что-то сказать. Ветка старого клена качнулась под тяжестью черного ворона, его блестящие глаза будто следили за происходящим сквозь мутное стекло.

В коридоре стало темнее – то ли тучи окончательно затянули небо, то ли больничная лампа сдалась перед осенней хандрой. Тень от коляски Алекса растянулась по полу, превратившись в длинное предостережение, похожее на воронье крыло.

Тем временем дверь палаты захлопнулась с глухим стуком. Валери медленно сползла по ней на пол, как тень, лишенная сил. Спина прижалась к холодному дереву, веки сомкнулись так сильно, что перед глазами вспыхнули кровавые пятна. Как маятник, отмеряющий время в больничной тишине, голова равномерно стучала о дверь: тук... тук... тук...

«Почему...» – Мысль пробивалась сквозь туман отчаяния. – «Почему мы все заперты в этом проклятом месте?»

Она резко вдохнула, втягивая запах антисептика, который теперь казался ей запахом тюрьмы.

«Я просто хочу убежать... а вместо этого натыкаюсь на них. Снова и снова.»

Холодный ветер играл с полами черного пальто Селены, пока она склонялась над могилой. Алая роза, брошенная на гранит, казалась каплей крови на сером камне. Надпись гласила: «Селена Вайс. 1985 – 2022. Мария Вайс. 2005 – 2022». Но под землей сгнило другое тело – ее сестры-близнеца. *Сабрины*.

Внезапно память ударила, как нож под ребро: *семь лет назад. Дорога в аэропорт.*

Она сжимала в пальцах цепочку с кулоном-бабочкой – подарок от Валери Сабрине. Слезы капали на металл, оставляя пятна, пока радио хрипло вещало:

«... один из автомобилей после перевернулся и слетел с моста. Один выживший... Семь жертв... Сегодня утром в аварии погибло несколько человек из музыкальной индустрии, среди них певица Селена Вайс и ее дочь Мария...»

Голос диктора смешался с ее собственным стоном.

Потом – самолет.

Умывальная комната тряслась в такт турбулентности. Селена подняла глаза на зеркало – ее лицо, ее слезы... но теперь это было лицо *мертвой сестры*. Ножницы блеснули в тусклом свете. Прясть за прядью, черные волосы падали на пол, как срезанные крылья.

«Ты станешь мной...» – шептало отражение.

– ...а я приму твою смерть, – закончила она вслух, глядя, как в сливе исчезают последние следы *настоящей Селены*.

Воспоминания рассыпались, как пепел. Селена разжала пальцы, оставляя розу, и на ее губах застыла горькая, словно пропитанная дымом семи лет, улыбка. Порыв ветра запутал в ее баклажаново-бордовых волосах каскадом несколько прядей, одна из них прилипла к влажной от слез помаде. Механическим жестом она убрала прядь за ухо, пальцы на мгновение задержались на виске, будто пытаясь унять невидимую боль.

– Мы все носим чужие имена. Только одни – на могилах, другие – на паспортах.

Женщина провела рукой по гравировке, стирая пыль с буквы «С» в имени «Селена». Ворон, до этого момента молча наблюдавший за ней с ветки старого сухого дерева, внезапно каркнул, и резкий звук разорвал тишину, словно птица действительно соглашалась с ее мыслями. Селена-Сабрина выпрямилась во весь рост, ее пальцы небрежно смахнули несуществующую пыль с черного пальто, словно этот жест ставил точку в ее превращении. Маска сестры легла на ее лицо идеально, смыкаясь с кожей, как вторая натура.

– Скоро мы встретимся, – ее голос звучал мягко, почти ласково, но глаза оставались пустыми, как окна заброшенного дома. – Когда последний демон Геллосанда переступит порог ада... – Она повернулась, отбрасывая на могилу длинную тень, – я наконец смогу вернуться домой.

Кладбищенская дорожка, испещренная трещинами, будто прожилками мертвого листа, огласилась четкими ударами каблуков. Коричневые сапоги Селены Вайс дробили опавшую листву, словно она шагала не по земле, а по костям забытых имен. Ветер запутывал свои незримые пальцы в баклажановых прядях Селены, а в глубине ее карих глаз – тех, что были темнее самой долгой ноябрьской ночи – холодно сверкала закаленная сталь.

Между адом и раем – всего шаг. В Геллосанде попасть в ад проще, чем в рай. Здесь соблазнить и погубить душу человека – проще простого. Достаточно предложить ему то, от чего он не сможет отказаться. Например, деньги и власть. Они всегда манили людей, как сладости манят ребенка. Только у взрослых «конфеты» иные – золото и корона.

Те, кто имел и то, и другое в Геллосанде, считались не просто везунчиками – а теми, кто выжил. Кто продал душу, чтобы попасть в этот фальшивый «рай». Кто-то называет их мафией, но на самом деле они – демоны, когда-то бывшие людьми, погрязшими в долгах и нищете. Людьми, которые цеплялись за жалкое существование, считая копейки, пока дьявол не протянул им руку и не дал шанс.

Дьявол, который вытащил их со дна – но с условием. Условием было принять новую жизнь по его правилам. А за несоблюдение – отнять все, начиная с репутации и заканчивая жизнью. Правила дьявола просты: молчать, улыбаться, отрицать правду. Молчать, если знаешь, что скрывается за кулисами этого «рая». Улыбаться, играя свою роль на сцене. И никогда, *никогда* не признавать, что все это ложь.

Все было просто. Слишком просто.

Но дьявол не знал одного – его «рай» вот-вот рухнет. Система, которую он выстраивал годами, треснет по швам. Потому что в Геллосанд вернулась *Селена Вайс*.

Его жена.

Та самая, которую он предал семь лет назад.

А пока Валентин восседал на сотом этаже своего стеклянного ада, потягивая виски и лениво скользя взглядом по экрану планшета, – там мелькали новости о поддельных контрактах, фальшивых акциях и Мерседесах, которые, возможно, теперь никогда не поедут, если его люди не вытащат Джонатана из этой подставы – Селена уже сделала *первый ход*. Тихий. Неотвратимый. Как щелчок костяшки на шахматной доске – едва слышный, но переворачивающий все.

Дьявол... паук...

Скоро Валентин снова станет тем самым мальчишкой – бездонным, пустым, выскобленным до костей. Тем, кем был до того, как примерил маску продюсера.

Он вспомнит.

Вспомнит, как скрипка визжала у него под пальцами на промозглой площади. Как монеты звякали в футляре – жалкие гроши, которых никогда не хватало. Как его мать умирала в больничном подвале, а опухоль пожирала ее изнутри, пока он наигрывал эту проклятую мелодию...

Музыку для ее похорон.

После смерти матери у Валентина осталось только две вещи: скрипка, впитавшая все его слезы, и боль, навсегда поселившаяся под ребрами, будто осколок.

Скрипка стала его оружием. Не тем, что стреляет – тем, что разрезает.

Улица научила его жестокости лучше любых учебников. В приюте, где стены пахли дезинфекцией и тоской, он глотал страницы книг, выискивая в них не знания, а лазейки. План побега зрел в его голове, как гнойник.

И вот – побег.

Холодный ноябрь 1998 года. Дождь стучал по крышам, как пальцы по клавишам расстроенного пианино. Двенадцатилетний Валентин, худой как тень, перелез через ржавый забор. Его протертые кроссовки шлепали по лужам, разбрызгивая грязь. Он бежал, не оглядываясь, будто за ним гналось само его прошлое.

«Свобода!»

Но свобода оказалась мокрой от дождя и такой же скользкой.

Выбежав на дорогу, он упал, ударившись коленями о бордюр. Перед ним замер черный автомобиль, шины которого взвыли, едва не раздавив его. Свет фар резал глаза.

И тогда... Вышла *она*.

Женщина в кожаном пальто, тонущем в темноте. Сапоги на шпильках, словно кинжалы. Дождь стекал по ее белым волосам, как по мраморной статуе.

Валентин зажмурился.

«Жнец...»

Она присела перед ним, и ее дыхание пахло дорогими духами и чем-то металлическим.

– Вы пришли забрать меня на тот свет? – голос Валентина дрожал, но во взгляде читался вызов.

Алые губы искривились в улыбке.

– Где твои родители, малыш?

– У меня их нет.

Ее рука в черной перчатке протянулась к нему, словно тень из другого мира.

– Тогда предлагаю пойти со мной. Ты любишь музыку?

Его пальцы сами сжались в кулаки, ведь он еще не знал, что это *первая нота его падения*.

Так Валентин встретил дьявола. И однажды унаследовал его трон. Сейчас, когда Валентину перевалило за сорок, он обладал всем, что только можно пожелать. Его особняк с витражами ловил городские огни, превращая их в призрачные блики на паркетном полу. Гардероб был заполнен костюмами, которые висели словно сброшенные чужие кожи. Даже собственный оркестр покорно исполнял любую его прихоть.

Но глубоко под ребрами, там, где должно биться сердце, жила пустота. Она вибрировала тонко и назойливо, будто смычок десятилетнего мальчишки водил по струнам прямо в его грудной клетке. Та самая мелодия. Та, что звучала в больничном подвале, пока его мать угасала, а он, стоя на промозглой площади, отчаянно пытался играть громче, чтобы заглушить хрипы ее последних вдохов.

Теперь он дирижировал целыми симфониями, делал талантливых людей легендами, но внутри по-прежнему звучал один и тот же надтреснутый мотив, словно заевшая пластинка проклятия.

Да, Валентин был дьяволом. Но крылья за его спиной когда-то были белыми. Селена знала это – знала каждого ангела, чьи перья обуглились при падении. Но в Геллосанде демоны не прощают предательства дважды. Особенно когда оно исходит от того, кто когда-то клялся любить вечно.

Теперь эти клятвы растворялись в дожде, стекавшем по панорамному окну. Серые очертания Геллосанда расплывались за стеклом в мутных кляксах, будто кто-то разбавил акварель слишком большим количеством воды. Валентин потягивал виски, ощущая, как алкоголь медленно разливается теплом по жилам. Расслабленный. Беспечный.

И тогда раздался скрип двери.

Он замер, увидев в проеме баклажаново-бордовые волосы – цвет, который когда-то ассоциировался у него с гранатовым вином и предательством.

– Сабрина, какая встреча!

Голос звучал ровно, но пальцы непроизвольно сжали стакан. Он встал, поставив бокал на стол с чуть более громким звяком, чем планировал.

– Чем могу помочь?

Селена-Сабрина не улыбалась. Ее губы лишь натянулись в подобие улыбки, как маска на трупе. Руки скрестились на груди – жест, который Валентин знал слишком хорошо. Защита. Вызов.

И в этот момент все рухнуло.

В кабинет ворвались полицейские, окружив его плотным кольцом. Наручники захлопнулись на запястьях с металлическим щелчком, который отозвался в тишине, как выстрел.

– Что происходит?!

Голос детектива был ледяным:

– Вы главный подозреваемый в убийстве Аманды Лейман и ее мужа.

Валентин резко повернулся к Селене и увидел. Тень. Мелькнувшую в глазах настоящую Селену – ту, что помнила каждый его грех.

Она шагнула ближе. Губы почти коснулись его уха, а шепот обжег, как раскаленное лезвие:

– Я вытащу тебя... если оставишь мою племянницу в покое. И скажешь мне правду, почему ты убил Аманду. – После ледяной паузы, губы Селены искривились в подобии улыбки, когда она прошипела сквозь сжатые зубы: – Твоя мертвая жена передала послание. Если ты не выложишь правду и посмеешь тронуть Валери... Она сама явится напомнить тебе, кем ты был до того, как прикрылся продюсерской маской. Как продал душу, чтобы править этим адом.

Виски внезапно обернулось желчью на языке.

Дьявол впервые за долгие годы почувствовал вкус поражения. А самое горькое было в том, что он так и не понял – его погибшая жена уже стояла рядом, вдыхая аромат его страха.

ГЛАВА 3

Кровавая партитура

Hozier – «Eat Your Young», Woodkid – «The Other Side», Sevdaliza – «Human», Portishead – «Machine Gun»

Габриэль медленно присел на корточки перед сыном, и между ними повисло тягучее, почти осязаемое молчание. Его пальцы слегка дрожали – так сильно он жаждал услышать правду, – но лицо оставалось каменным, будто высеченным из мрамора. Адриан сидел на скамейке, его взгляд был пуст, словно затянут пеплом, а в глубине зрачков мерцало что-то неуловимое – страх, ненависть или холодный расчет.

Габриэль впился в него взглядом, будто проникая сквозь череп прямо в израненное сознание. Он чувствовал каждый нерв, каждую дрожь сына, словно держал его на ладони, как хрупкую, но опасную птицу, готовую в любой момент клюнуть в сердце.

– Что ты помнишь насчет Валери? – голос отца прозвучал мягко, почти ласково, но в нем сквозила сталь.

Где-то слева врач монотонно скрипел ручкой по бумаге, и этот звук резал тишину, как нож по холсту.

«Ты обязан вспомнить все, – прошипел в голове Адриана голос Алекса, будто змея, обвиняющая сознание. – Иначе мафия сделает из тебя марионетку».

Адриан помнил.

Он помнил не просто факты – он помнил *боль*. Каждый удар, каждый синяк, каждый хруст костей под отцовским каблуком. Каждое слово, вонзавшееся в него, как ржавый гвоздь. И сейчас, глядя в эти темные, почти черные глаза, которые иногда отливали ядовито-болотным, он чувствовал, как внутри закипает густая, как смола, ярость.

Но его лицо оставалось пустым.

– Она – та, кто спланировал убийство Аманды Лейман. Она обвинила меня в изнасиловании. И авария на Кривой Призраков – это ее рук дело.

Габриэль замер на секунду, затем уголок его губ дрогнул в едва уловимой ухмылке. Он похлопал сына по колену – жест, который должен был выглядеть отеческим, но от которого по коже Адриана побежали ледяные мурашки.

– Хороший мальчик, – прошептал он так тихо, что только Адриан мог расслышать.

И в этот момент оба поняли: игра началась.

Врач закончил записывать, сухо щелкнул ручкой и достал из кармана халата плоскую упаковку таблеток. Пластик хрустнул в его пальцах, когда он протянул их Габриэлю.

– Это от головной боли и для иммунитета, – произнес он ровным, безжизненным тоном, словно зачитывал инструкцию. – Как вы и просили.

Габриэль принял упаковку, на мгновение задержав взгляд на этикетке. Затем медленно, почти театрально, переложил таблетки в правую руку сына. Его пальцы слегка сжали ладонь Адриана – слишком долго, слишком намеренно, будто вкладывали не лекарство, а что-то куда более опасное.

– Если вспомнишь что-то еще, – голос Габриэля был мягким, как шелк над бритвой, – говори сразу. *Мне.*

Тишина.

И вдруг – вспышка в памяти: он проходил мимо палаты Валери, и его взгляд скользнул по тумбочке у кровати. Там лежала партитура Джека Леймана. Бумаги, испещренные нотами, будто шифром, который мог сжечь их всех дотла.

Габриэль провел языком по внутренней стороне щеки, почувствовав привкус железа.

– Валери – враг нашей семьи, Адриан. – Он наклонился чуть ближе, и тень от его фигуры накрыла сына, как крыло. – Она и ее отец украли кое-что... ценное. Если она расшифрует это – твое будущее рассыплется в прах.

Пауза. Дыхание Адриана участилось, и Габриэль *слышал* это.

– Хочешь вернуть память? – шепотом, словно делясь страшной тайной. – Хочешь снова выйти на сцену? Тогда *забери* у нее партитуру. И отомсти. За все.

В этот момент его рука плавно скользнула к карману больничных штанов Адриана, движение было настолько легким и отточенным, что выдавало годы отработанный ловкости.

И нож, холодный и тонкий, как обещание, оказался на месте.

Пальцы правой руки Адриана судорожно сжали упаковку таблеток, когда отец коснулся его ладони. По спине пробежали мурашки, но не от страха, нет, а от омерзения. Этот при-творно-заботливый жест, эти ядовитые слова... Все как всегда.

Когда холод металла коснулся его бедра через тонкую ткань штанов, Адриан не дрогнул. Только зрачки резко сузились, а в уголке рта появилась едва заметная искорка чего-то опасного.

«Нож. Конечно. Не врач, а клоунада. Ты бы сразу в спину воткнул, если б не нужен был живым», – пронеслось в голове.

– Партитуру? – он нарочно сделал голос хриплым, слабым, будто все еще полубессознательным. – Я... почти ничего не помню. Но если она так важна... – Адриан медленно поднял глаза, встретившись взглядом с отцом. Взглядом пустым, как у куклы. – ...Я найду способ. Только... мне нужно время.

Внутри же все горело. Он прекрасно понимал, что это за игра. Габриэль бросал его, как пешку, под колеса Валери. Но если уж быть пешкой... то пешка, добравшаяся до края доски, может стать кем угодно. Даже королем.

А нож в кармане... Ну что ж. Хотя бы не придется ломать ногти, когда придет время рвать ей глотку.

Габриэль сделал последний кивок, изобразив на лице маску отцовской заботы, и вместе с врачом зашагал по длинному больничному коридору. Их шаги глухо отдавались по кафельному полу, сливаясь с далекими голосами из динамиков.

Адриан не сводил с них глаз, пока тень отца не растворилась в полумраке лестничного пролета. Медленно поднявшись со скамейки, он позволил себе улыбнуться той ледяной, безжизненной улыбкой, которой одаривают жертву перед смертельным ударом.

– Думаешь, я стану марионеткой в твоих грязных играх, отец? – прошептал он в пустоту, сжимая в кулаке упаковку таблеток до хруста пластика.

Резким движением он швырнул лекарства в мусорный бак. Таблетки рассыпались с сухим стуком, словно кости в детской игре.

– Самый страшный яд... – Адриан начал медленно двигаться к своей палате, каждый шаг отдавался в висках пульсирующей болью. – ...не тот, что дают подкупленные врачи.

Он остановился у окна, за которым бушевала осень. Тяжёлые, словно свинцовые, тучи нависли над городом, а дождь – не просто стекал, а полз по стеклу мутными потоками, смешиваясь с грязью и пылью. Отблески неоновых вывесок преломлялись в каплях, превращая их в алые подтеки, словно само небо истекало кровью. Воздух за окном был густым от сырости, и даже сквозь стекло пробивался запах прелых листьев и промокшего асфальта.

Где-то вдали взревел мотоцикл, и этот рев – низкий, хриплый, будто звериный рык – пронёсся сквозь стон дождя. Адриан стиснул зубы: звук напомнил ему тот самый яд, что Габриэль готов был подмешать в таблетках для сына. Тот же металлический привкус на языке. Та же предательская сладость, скрывающая смерть.

Мотоцикл умчался, оставив после себя вибрацию в костях и разблокировавший фрагмент воспоминания – как Адриан обгонял мотоцикл Алекса и резко сворачивал в сторону. В голове на мгновение застыл этот гул, пока Адриан не зажмурился и не дернул головой, сбрасывая наваждение.

– А тот, кто создал тебя... Да, отец?

Его пальцы непроизвольно сжали холодный металл ножа в кармане. Игра началась. И на этот раз кукловод ошибся, ведь его марионетка дергала ниточки сама.

Спустя несколько медленных шагов Адриан замер у двери палаты Валери, и вдруг – удар в грудь. Сердце рванулось вперед, как испуганный зверь, а в сознании вспыхнул яркий, почти болезненный кадр из прошлого: двенадцатилетний он, сжимая скрипку с преувеличенным надрывом, водил смычком так фальшиво, что даже стены, казалось, съеживались. А напротив, у окна, стояла *она* – морщилась, затыкала уши и корчила ему рожицы.

– Прекрати так ужасно играть, Адриан! – кричала девчонка, смеясь сквозь раздражение. – Пожалей мои уши!

Но он только шире расплывался в озорной ухмылке и давил на струны еще сильнее, наполняя класс сольфеджио какофонией, нарочито нестройной, но почему-то веселой.

– Прекращу... – Адриан сделал паузу, лукаво прищурившись, – ...если поцелуешь меня.

И тогда, ошеломляюще и неожиданно, она шагнула вперед. Ее лицо в памяти теперь было размыто, словно стерто временем, но он чувствовал тот момент: теплое дыхание, легкий запах детского шампуня, а потом – мягкое прикосновение губ к своей щеке.

Воспоминание рассыпалось, как старый кинокадр.

Адриан вздрогнул, словно очнувшись, и пальцы сами потянулись к той самой щеке – туда, где когда-то осталось это мимолетное тепло. Сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться из клетки ребер.

Он резко качнул головой, сбрасывая наваждение.

– Черт... – прошептал сквозь зубы.

И, стиснув кулаки, зашагал прочь к своей палате, к холодной реальности, где не было места детским шалостям. Только нож в кармане, партитура в палате Валери... И тень отца, нависшая над всем этим.

Кровь. Она была *всюду* – липкая, теплая, неумолимая.

Воздух гудел медным удушьем – этот знакомый, тошнотворный запах крови, густой, как сироп, въедался в ноздри, прилипал к задней стенке глотки. Валери стояла посреди комнаты, ее пальцы дрожали, словно натянутые струны перед разрывом. Руки, когда-то изящные и ловкие, теперь были испачканы алым – оно въелось в кожу, под ногти, в каждую складку ладоней, и этот металлический смрад висел вокруг, как проклятие.

Партитура перед ней *дышала*. Ноты, когда-то черные и четкие, теперь расплывались в багровых потеках. Кровь стекала с листов, капала на клавиши рояля, издавая ужасающий звук и сливалась с черным лаком, будто сам инструмент истекал раной, а в воздухе стоял тот самый тяжелый, теплый запах – медь, соль и что-то еще, что-то *живое*, словно комната сама превратилась в открытую плоть.

А он *играл*.

Без рук, без прикосновений, а лишь жутковатые аккорды, глухие и резкие, будто кто-то давил на педаль из мира теней. Каждый звук отдавался в висках, в такт бешено колотящемуся сердцу, а запах становился гуще, плотнее, как будто кровь уже не просто текла – она *испарялась*, наполняя легкие ужасом.

Стены шептали.

Нотные листы, развешанные по комнате, теперь не просто бумага – они *кровоточили*. Алые струйки сползли по пергаменту, оставляя за собой мокрые дорожки, словно слезы из ран, а в воздухе витал тот самый медный дух, острый и сладковатый, как будто кто-то разорвал горло самой музыке. Пол уже не скрипел, а хлюпал под ногами, вязкий и предательский, и с каждым шагом запах поднимался волной, обволакивая, *удушая*.

Кровь... кровь... кровь...

Ее было так много, что казалось – вот-вот она поднимется выше, зальет горло, заполнит легкие, и тогда Валери задохнется не только от ужаса, но и от этого *запаха*, густого, как сама смерть.

А рояль играл. Играл без конца.

Нота за нотой. Аккорд за аккордом.

Музыка, заполнявшая комнату, походила на похоронный марш – тяжелый, бесконечный, будто сама смерть дирижировала этим адским концертом.

Кровь, стекавшая с партитур, принадлежала *им* – жертвам. Их имена, едва различимые среди нотных знаков, проступали на полях, словно чьи-то пальцы вывели их дрожащей рукой прямо в пустых тактах...

Имя тети пронзило сознание Валери внезапной болью, будто кто-то вогнал раскаленную иглу прямо в висок. Непроизвольный вскрик сорвался с губ, и в тот же миг мир перед глазами взорвался ослепительным светом.

Всплыло воспоминание: отец, его сжатый кулак, мать, падающая на мрамор. Алый ручей крови стекал по ее подбородку с разбитой губы, капли падали на мраморный пол, образуя крошечные темные лужицы.

Картина сменилась внезапно, словно кто-то перелистнул страницу. Теперь Валери видела мать – бледную, как восковая фигура, – которая дрожащими руками прятала потрепанную папку под полированную крышку рояля.

– Молчи... – прошептали ее бледные губы, и слова повисли в воздухе зловещим предостережением.

Память снова переключилась. Теперь перед внутренним взором Валери возникли они с сестрой – испуганные, прильнувшие к щели спальни. В гостиной стояли две одинаковые женщины: мать и... ее точная копия? То же платье, те же жесты, прически только разные и цвет волос.

– Ты должна сыграть, – шипела двойник, и ее шепот звучал неестественно громко. – Это единственный способ...

За спиной у Валери рояль внезапно грянул пронзительным диссонансом, будто реагируя на ее воспоминания. Девушка зажмурилась – и перед глазами поплыли другие воспоминания. Роскошный зал с высокими зеркальными стенами, где переливался свет хрустальных люстр. Звон бокалов с шампанским, перекрывающий тихую музыку оркестра. Мать, улыбающаяся Аманде Лейман – той самой женщине, чье имя теперь кровоточило на партитуре.

В углу зала за длинным столом сидел отец, ведущий деловые переговоры с группой мужчин в черных классических костюмах. Его властный взгляд, мерцающий перстень с темным камнем, сжимающий коньячный бокал. Где-то рядом смеются Адриан и Мария – старшая сестра Валери, чей голос сейчас звучал особенно звонко.

Обрывки памяти рассыпались, словно ноты с перевернутой партитуры. Валери рухнула на колени, судорожно хватая ртом тяжелый воздух. Пальцы впились в собственную шею, будто пытаясь раздвинуть невидимые тиски.

Когда она подняла голову, то встретила ледяной взгляд Адриана. Он медленно присел перед ней, и в его глазах плелась безмолвная угроза. Мурашки побежали по спине Валери, но не от страха, а от того, как спокойно он смотрел на ее мучения. В этом взгляде не было ни капли сострадания, только холодная уверенность палача, знающего свое дело.

Холодный металл впился в кожу, когда прошла мучительно долгая секунда, прежде чем Адриан неторопливо извлек пистолет и прижал ствол ко лбу Валери. Его губы искривила едва уловимая усмешка, больше похожая на оскал раненного зверя.

– Знаешь, почему я тебя ненавижу? – его голос струился, как яд, медленно заполняя пространство между ними. – Потому что ты упорно игнорируешь то, что бросается в глаза.

Воздух сгустился до осязаемости. Даже рояль, словно почувствовав накал момента, затих до едва слышного перебора клавиш – тревожного, как стук собственного сердца перед падением.

– И что теперь? – Валери не дрогнула, хотя каждый нерв в ее теле кричал об опасности. Глаза, однако, горели не страхом, а вызовом. – Убьешь меня, прежде чем я сложу пазл правды и верну тебе украденные воспоминания?

Адриан не убирал пистолет, но его взгляд скользнул вниз – по горлу Валери, к дрожащим ключицам, туда, где бешено стучало сердце.

– Ты хочешь правду? – прошептал он, и его голос внезапно стал низким, почти ласковым. – Но что, если я предпочитаю твое молчание?

Холодный ободок ствола медленно провел по ее лбу, затем по скуле, остановившись у уголка губ. Валери почувствовала на языке привкус металла, будто слизала каплю крови с клинка, а не пистолета.

Рояль заиграл снова – томно, как будто кто-то водил пальцами по клавишам слишком медленно, намеренно растягивая каждый звук.

– Боишься? – Адриан наклонился ближе, его дыхание обожгло шею. – Или тебе *нравится*, когда я контролирую каждый твой вздох?

Его свободная рука вцепилась в ее волосы, резко откинув голову назад. Боль и возбуждение сплелись воедино. Холодный металл скользнул по шее Валери, медленно и почти нежно, оставляя мурашки на влажной коже. Адриан задержал ствол у основания горла, где пульс бился так часто, будто птица в клетке. Затем начал спускаться ниже...

Каждый сантиметр пути оружие будто прожигало ткань: обнажая ключицы, задерживаясь над грудью, где дыхание Валери стало прерывистым, пока, наконец, не уперлось в живот, втянутый от напряжения.

Рояль выдавил из себя диссонансный аккорд, когда ствол надавил чуть сильнее, проступая сквозь материю.

– Ты действительно веришь этому бреду? – ее голос звучал хрипло, но без дрожи. Губы искривились в усмешке, хотя глаза горели. – Или тебе так удобнее – играть роль мафиозного пса, чем вспомнить, как ты сам когда-то стрелял в этих ублюдков, защищая меня?

Ствол пистолета все еще давил на живот, но она нарочно подалась вперед, заставляя металл врезаться глубже.

– Помнишь тот ливень, когда мне было тринадцать? Ты тогда улыбался, но продолжал стоять рядом со мной в классе фортепиано, потому что я боялась грома. А теперь ты их ручной убийца. Поздравляю, Адриан – они стерли тебя и слепили заново.

Рояль фальшиво взвыл, будто кто-то ударил по клавишам кулаком.

Адриан усмехнулся, а затем резким движением опрокинул Валери на пол. Его тело нависло над ней, тяжелое и неумолимое, а ствол пистолета вновь врезался в живот с такой силой, что перехватило дыхание.

– Я все помню, – прошептал он, приближая губы к ее уху. Горячее дыхание обожгло кожу, смешавшись с запахом пороха и крови. – Но знаешь, почему до сих пор танцую под их дудку?

Он прижался губами к ее виску, словно собираясь поцеловать, но слова вышли ледяными:

– Я – волк в овечьей шкуре. Даю им поводья, чтобы затянуть петлю на их же шеях.

Валери не отвела взгляда.

– А если прикажут убить меня? – ее голос не дрогнул, хотя пальцы впились в окровавленный паркет.

В комнате повисла тишина. Кровь с партитур капала на пол медленно, как тиканье часов.

Адриан отстранился. В его темных глазах мелькнуло что-то неуловимое – может, ярость, может, боль.

– Ты всегда задаешь не те вопросы...

Рояль вдруг взвыл, и его крышка захлопнулась с глухим стуком, словно челюсти проголодавшегося зверя. Из зияющей темноты внутри хлынула густая кровь, но вместо привычного гула аккордов полились голоса, сплетаясь в жуткий хор:

– Ты должна сыграть, – шептала мать, и ее голос струился, как дым.

– Сыграй, и он вспомнит, – стонала сестра, и в этом стоне слышался скрип несмазанных колес.

– СЫГРАЙ! – проревел Джек Лейман, и в этот миг клавиши задвигались сами по себе, словно рояль оскалил свои желтые костяные зубы.

Валери зажмурилась – и мир под ногами внезапно исчез. Она проваливалась вниз, в зеркальную бездну, где все вокруг искажалось и преломлялось.

Ее волосы захлестнули черные щупальца – ноты, превратившиеся в живых существ. В воздухе застыли капли крови, сверкая рубиновыми гранями, будто кто-то разбросал по пространству кровавые клавиши. А в мелькающих осколках зеркал ее собственное отражение, ухмыляясь, играло на невидимом инструменте странную мелодию, звучащую задом наперед, словно время в этом месте текло вспять.

И в последний миг, когда тьма уже почти поглотила ее, она увидела Адриана. Он стоял на краю, протягивая руку, но его пальцы рассыпались, превратившись в рой черных жуков, которые тут же разлетелись в разные стороны.

Темнота. Тишина.

...И где-то в бесконечной дали, словно из другого измерения, донесся один-единственный чистый звук – будто чей-то палец осторожно нажал клавишу «До», пробуждая мир ото сна.

Валери резко распахнула глаза.

Резкий белесый свет больничной палаты ударил по зрачкам, вырывая ее из кошмара. Черт... Она даже не помнила, когда успела заснуть.

Губы были пересохшими и горькими. У изголовья монотонно постукивала капельница, пузырьки воздуха мерно поднимались по трубке.

За окном, где солнце угасало за плотными слоями туч, одинокий желтый лист оторвался от ветки и закружился в воздухе, прежде чем упасть на серый асфальт.

Но в ушах все еще звенел тот самый чистый звук «До», словно рояль остался там, в сновидении, и невидимые пальцы продолжали играть...

Пролежав неподвижно минуты три, Валери приподнялась на локтях. Ее взгляд скользнул по книге, оставленной возле подушке перед сном, затем переместился к прикроватной тумбе – туда, куда она спрятала проклятую партитуру маэстро.

Без лишних раздумий она сняла иглу капельницы, ощущая, как по коже тут же побежала тонкая струйка крови. Босые ноги коснулись холодного пола, пальцы впились в деревянную поверхность тумбы, вытаскивая заветный лист.

Выбор был прост: сойти с ума или расшифровать правду и принять ее.

Но чем дольше Валери вглядывалась в ноты, тем явственнее музыкальные знаки начинали расплываться, превращаясь в багровые потеки. Ей чудилось, будто кровь сочится из бумаги, капает на бледную кожу ног, оставляя липкие темные лужицы на полу.

«Тик-тик» – кровь падала на пол, отсчитывая последние секунды ее рассудка.

Валери встала резко, как марионетка, поднятая невидимыми нитями. Партитура сжималась в ее пальцах, бумага хрустела от напряжения. Ноги сами понесли девушку к двери – шаг за шагом, будто ведомые чужим ритмом.

Коридор. Лестница. Холод ступеней под босыми ногами.

И вдруг – ночной воздух, резкий и влажный. Она стояла на крыше, а где-то позади, на перилах, притаился ворон. Его черные глаза следили за каждым движением, пока луна пробивалась сквозь рваные облака, окутывая Валери в бледный саван света. Валери не видела ни крыши, ни ворона. Перед ее глазами разворачивалась иная реальность – ослепительный зал Большого театра, залитый золотистым светом люстр. На сцене, в сиянии софитов, ее мать грациозно склонялась над роялем, пальцы порхали по клавишам, извлекая знакомую с детства мелодию. Рядом, в белоснежном платье, переливающимся жемчужным блеском, стояла Мария. Голос сестры лился чистым сопрано, заполняя пространство теплыми вибрациями.

– Иди к нам, Вэл, что ты там застыла! – Мария протянула руку, ее улыбка была солнечной и беззаботной, словно никаких тайн между ними никогда не существовало.

Мать повернула голову, не прерывая игры. Ее пальцы продолжали танцевать по клавишам, а губы растянулись в таком родном, таком потерянном выражении нежности:

– Иди ко мне, сыграем вместе!

Валери уже сделала шаг вперед, рука непроизвольно потянулась к сестре, как вдруг воздух сгустился. На сцене материализовалась высокая фигура Джека Леймана. Его темный костюм резко контрастировал со светлыми образами женщин, а пронзительный взгляд буквально пригвоздил Валери к месту.

– Вернись и расшифруй правду! – его голос прозвучал как удар хлыста.

Резкий каркающий звук разорвал иллюзию. Видение рассыпалось, как разбитое зеркало. Валери дернулась назад, ее босые ноги скользнули по мокрой от росы крыше. Внизу зияла черная бездна двора больницы. Партитура в ее левой руке вдруг стала невыносимо тяжелой, а пальцы правой впились в собственное плечо, оставляя на коже полумесяцы от ногтей. Крик застрял в горле, превратившись в прерывистый хрип.

– Ты что здесь делаешь?

Валери вздрогнула, ведь этот голос она узнала бы даже в кромешной тьме.

Она резко обернулась. Адриан стоял в двух шагах, прислонившись к вентиляционной трубе. На нем была кожаная куртка, подчеркивающая широкие плечи, а в зубах – догорающая сигарета, освещающая скулы оранжевым отсветом.

– Собралась на тот свет без моего провожатого? – его голос был низким, обволакивающим, будто ласкал лезвием. – Жаль. Я уже представлял, как перережу эту ленту... – он бросил взгляд на бинт на ее шее, – ...и посмотрю, что скрывается под ней. Новая жизнь... или все та же старая рана.

Он усмехнулся, сняв сигарету с губ. Дым медленно вырвался в ночь, тут же разорванный ветром вместе с его темной челкой. Глаза – две узкие щели – сверлили ее насквозь, а в уголке

рта дергался тот самый знакомый жест, в котором была смесь злости и чего-то еще, чего Валери не хотела признавать.

От его внезапного появления у нее перехватило дыхание, а по спине пробежал ледяной ток – не только страха, но и проклятого узнавания. Каждая клетка тела помнила его, даже когда разум кричал «теперь вы враги». Пальцы сами собой впились в партитуру, сминая бумагу.

Адриан, заметив это движение и белый бинт, туго обвивающий ее шею, медленно сделал шаг вперед. Пепел с его сигареты осыпался вниз, оранжевый огонек на мгновение осветил холодное выражение его лица.

– Знаешь, почему я тогда хотел задушить тебя? – его голос звучал приглушенно, взгляд был прикован к тлеющей сигарете, будто в ней скрывался ответ. Пепел продолжал сыпаться, белые хлопья оседали на его левой в гипсе руке, согнутой в локте. Прошло несколько тягучих секунд, прежде чем он поднял глаза. Взгляды столкнулись – ее горящий, его ледяной. – Когда я очнулся после аварии, первое, что всплыло в памяти – твое опоздание семь лет назад. Ты так и не пришла на тот проклятый концерт. А я из-за этого лишился всего. Будущего. Рук. Музыка, – он выдохнул, и его взгляд, тяжелый и затуманенный, медленно скользнул по ее фигуре, будто ощупывая каждую линию. – Но когда я сжимал твое горло... твои глаза были не от страха. В них было... приглашение. И это сводит меня с ума сильнее, чем любая боль.

Последние слова он выдохнул с такой горечью, что Валери невольно прижала руку к собственному горлу, чувствуя под пальцами швы. Ветер донес до нее запах табака и чего-то еще – возможно, крови, все еще сочащейся из ее ран. Резкий порыв ветра рванул между ними, заставив белую больничную рубашку Адриана хлопнуть, как парус. В этот миг его рука нырнула в карман, и когда пальцы разжались, в них блеснуло лезвие. Нож. Обычный скальпель, который дал ему днем отец. Наверняка этим ножом он сам резал тех, кто осмелился нарушить главное правило этого города – молчать.

Он усмехнулся, небрежно и почти лениво, но Валери вся сжалась внутри. Этот жест она знала слишком хорошо: предвкушение.

– Я бы мог перерезать тебе горло прямо сейчас, – он провел лезвием по воздуху, словно пробуя его остроту. – Отправить на тот свет без лишних слов.

Тишина. Только ветер свистел в ушах, да дальний гул города под ногами.

Адриан наклонил голову, разглядывая скальпель. Отблеск луны скользнул по металлу, осветив засохшую каплю крови на рукояти.

– Но знаешь, почему не сделаю это?

Их взгляды столкнулись снова – ее испуганно-яростный, его спокойно-безумный. В этом молчании было больше угрозы, чем в любом крике.

Адриан приблизился так, что она почувствовала тепло его тела сквозь холод ночи. Он не прижал лезвие, а провел тупой стороной скальпеля по бинту на ее шее, следя за тем, как вздрагивает ее кожа.

– Мертвые не играют на рояле, – его губы оказались в сантиметре от ее уха, дыхание обжигало. – А я хочу слышать, как ты играешь. Хочу видеть, как твои пальцы сжимаются не от страха, а от... чего-то другого. Пока играешь, ты моя. И эта мысль... она жжет меня изнутри.

Он вдруг дернулся, будто его ударило током:

– У меня в голове теперь после того как я пришел в себя вспыхивают чужие лица. Люди, которых я должен ненавидеть. Но почему-то... – лезвие дрогнуло, – я вижу себя, стоящего за твоим плечом. И мои руки... они не за твоей шеей. Они – на клавишах. Рядом с твоими.

Капля пота скатилась с его виска.

– Что ты сделала с моей памятью?

Валери резко отпрянула от Адриана, спиной натываясь на холодные перила. Ее шаги зазвучали по металлической лестнице, слишком громко и слишком поспешно. На третьем пролете ноги вдруг подкосились, и она рухнула на ступени, прижав колени к груди. Партитура в ее

левой руке смялась окончательно, острые края бумаги впились в ладонь, но она не отпустила – будто это последнее, что связывало ее с реальностью.

Слезы текли по лицу солеными ручьями, оставляя на коже жгучие дорожки. Каждая капля падала на бумагу, расплываясь кровавыми ореолами вокруг нот. Она чувствовала, как безумие медленно заполняет ее изнутри, как ржавчина разъедает душу. Хуже всего было осознание, что они сделали из нее оружие. И самое страшное – она сама позволила этому случиться, добровольно вложив свою руку в чужую перчатку.

Где-то внизу, за толщей бетона, ветер выл в пустой больничной палате. А здесь, в полумраке лестничного пролета, Валери впервые за долгие годы позволила себе просто плакать. И сквозь слезы ее губы сами сложились в слово, которое она не произносила годами. Ее собственная рука потянулась к тому месту на шее, где только что был его скальпель. Но это не было жестом боли. Это было прикосновение, полное такой яростной тоски, что ее вырвало прямо на залитые лунным светом ступени.

ГЛАВА 4

Партитура греха

«*Seven Devils*» – *Florence + The Machine*, «*Bury a Friend*» – *Billie Eilish*, «*Killer*» – *Phoebe Bridgers*

Как только Валери ушла, хлопнув за собой дверь, холодный ветер, словно призрачный музыкант, запустил свои невидимые пальцы в черные волосы Адриана. Он все еще стоял на крыше больницы, неподвижный, как каменная глыба, а в руках его мерцало лезвие ножа – холодное, отточенное, будто сама безысходность. Губы парня дрогнули в горькой усмешке, когда память внезапно ударила по нему – яркая, болезненная, как вспышка молнии. Перед глазами всплыла картина: он наклоняется к Валери, его пальцы осторожно ложатся поверх ее руки, направляя, уча, объясняя без слов. В ушах снова зазвучали те самые ноты из *Реквиема по мечте* – тревожные, пронзительные, словно сама судьба выводила эту мелодию на разбитых клавишах его жизни.

Но теперь вместо музыки – только вой ветра, вместо тепла ее ладони – ледяное прикосновение стали.

Последняя струйка дыма вырвалась из легких Адриана, прежде чем он швырнул догорающую сигарету в ночь. Вслед за ней полетел нож – холодная сталь, сверкнув в лунном свете, исчезла в темноте, словно его последние сомнения.

– Я не убийца, отец, – прошипел он сквозь стиснутые зубы, и каждое слово падало, как капля яда. – Но если решу им стать... – Голос сорвался в низкий, животный рык, – ...то мой враг будет умирать медленно. Я загляну ему в глаза и увижу, как гаснет свет. Это будет не убийство – это будет танец.

Тишина впитала его слова, но эхо от них продолжало вибрировать в воздухе, насыщенном запахом табака и стальной горечью. В этом молчании слышалось что-то древнее – клятва, высеченная не в камне, а в самой плоти мира. Обещание боли, которое теперь висело между ними незримой, но неразрывной нитью.

Внезапная боль в левой руке заставила Адриана скривиться. Рука в гипсе – он совсем забыл о ней с тех пор, как очнулся после комы. Боль возвращалась волнами, вырывая его из забвения.

Эта рука была для него всем. Ею он выводил ноты на нотных листах, заставлял скрипку стонать под смычком, сжимал руль мотоцикла, ловя ветер костяшками пальцев. Теперь... Теперь в груди зияла пустота, будто вырвали не руку, а... голос. Рука, дарившая миру музыку,

теперь молчала. И в этой тишине стоял самый чудовищный из всех диссонансов: беззвучный визг оборвавшейся струны в глубине души.

Адриан продолжал стоять на краю больничной крыши, сжимая кулак здоровой руки. Его взгляд, полный ненависти, буравил гипс на левой руке – казалось, он пытался раздавить в ладони всю ярость мира. Проклятия, обращенные к судьбе, к небесам, к самому себе, жгли горло едкой горечью.

– Если память не вернется, я выучу каждую ноту заново, – прошептал он, и слова его были тише шума города под ногами, но тверже больничного бетона. – Возьму скрипку, даже если для этого придется пройти сквозь ад. И обратно.

Порыв ветра рванул между ними, взметнув черные пряди волос, словно невидимые пальцы самой судьбы пытались стереть с его губ это обещание.

Адриан еще несколько минут стоял на продуваемой ветром крыше, пока холод не просочился под кожу, заставив его сжаться. Повернувшись, он шагнул в зияющий темный проем больничного выхода.

Лестничный пролет тонул в серых сумерках. На одном из поворотов силуэт Валери возник перед ним внезапно – она как раз поднималась со ступенек, резко проводя ладонью по щекам, смахивая последние следы слез. Адриан замер, позволив ей пройти несколько ступеней вниз, затем начал спускаться следом, подстраивая шаг под ее ритм. Его кеды бесшумно касались бетона, будто он стал частью больничных теней – невидимый, но неотступный.

Когда последняя ступень осталась позади, в мертвой тишине коридора резко отозвались шаги – слишком громкие для этой ночи. Голос Селены-Сабрины, переплетаясь с профессионально-сдержанными интонациями врача, разрезал воздух.

Валери вдруг вспомнила тот сон – глаза, напоминающие мертвую мать, кулон бабочки на блузке, – и на миг окаменела. Затем, как тень, метнулась за выступ стены, прижав ладони к груди, где сердце билось так, будто пыталось вырваться.

Адриан не шевельнулся. Его пальцы впились в холодные перила, белые от напряжения, но взгляд оставался прикованным к сцене перед ним. Селена-Сабрина замерла спиной к нему, ее шелковый платок безвольно повис, словно и он затаил дыхание.

– Валери сможет петь, – слова врача упали, как капли в пустую металлическую чашу, – но есть нюанс. – Он медленно снял очки, и стекла на миг поймали тусклый свет, ослепив Адриана. – Ее голос... Его придется строить заново. Как дом после пожара.

Селена-Сабрина медленно вынула руку из кармана серого пальто, прежде чем ответить.

– Спасибо, Джордж, что позаботился о Валери.

Голос ее был как нож в старом шраме – до боли знакомый, но с каким-то чужим, металлическим призвуком, будто говорил не человек, а его эхо. Врач устало провел рукой по лицу, оставляя на коже бледные следы от пальцев.

– Здесь нет моей заслуги. – Его улыбка была похожа на трещину в стекле. – Я всего лишь делаю свою работу.

Тишина повисла между ними, густая, как больничный антисептик. Когда он заговорил снова, голос потерял всю профессиональную ровность:

– Почему ты вернулась в Геллосанд?

Уголки губ Селены-Сабрины дрогнули. В ее карих глазах вспыхнуло что-то древнее и страшное – не безумие, а та ярость, что заставляет богов трепетать.

– Я вернулась за демонами, – прошипела она, – которые решили, что могут сбежать из моего ада.

– Ты изменилась, – вдруг сказал Джордж, всматриваясь в лицо своей бывшей одноклассницы и зная, что ей приходилось притворяться мертвой сестрой. – Но будь осторожна. Не потеряй себя в этом безумии.

Селена-Сабрина застыла, осознав, что ее только что раскусили. На ее немой вопрос Джордж бросил в ответ:

– Глаза. Они всегда выдают нас.

С этими словами он развернулся и зашагал по коридору, оставив Селену одну с ее мыслями.

В голове Адриана щелкнуло, и пазл сложился. Но дрожащие пальцы Валери, вцепившиеся в выступ стены, говорили, что она все еще блуждает в этом лабиринте лжи.

Он поймал ее взгляд – темный, полный немых вопросов – и ответил едва заметной усмешкой, спускаясь с последних ступеней. Кеды глухо шлепнули по полу, заставив Селену резко обернуться.

– О, Адриан, – ее голос был сладким, как сироп, а улыбка – точная копия Сабрины, – надеюсь, тебе еще не приказали убить мою племянницу?

Улыбка испарилась быстрее, чем дым от сигареты. Адриан задержался на месте, не отпуская перила, а Валери за стеной бессознательно прижала ладонь к горлу, ведь комок в нем стал таким огромным, что, казалось, вот-вот перекроет дыхание.

– Вы так... безупречно похожи на Сабрину... – Адриан медленно провел пальцем по перилам, будто проверяя лезвие. – До мурашек. Как будто вы целовали ее труп, чтобы перенять мимику...

Его глаза, пустые, как склеп, скользнули к Валери, застывшей в тени:

– Но мертвые не краснеют, когда лгут. А вы, «тетя Селен»?

Уголки ее губ дрогнули, затем растянулись в улыбку – слишком широкой, чтобы быть настоящей.

– Милочка, если б я целовала трупы, то твой скелетик уже давно висел бы у меня в шкафу, – она томно поправила прядь волос, – но спасибо за... творческий намек. Мертвые действительно не краснеют.

Ее пальцы скользнули к горлу, словно проверяя пульс:

– Зато живые – бледнеют. Хочешь проверить, Адриан?

Адриан рассмеялся, коротко и беззвучно, лишь плечи слегка вздрогнули.

– Ты права, живые бледнеют... – Его пальцы медленно сомкнулись вокруг перил, – особенно когда понимают, что их «любящая тетя» месяцами кормила их красивыми сказками. Интересно, Валери уже чувствует, как твоя ложь перерезает ей горло?

Он наклонился чуть вперед, голос стал почти ласковым:

– Я-то всего лишь орудие. Но ты... ты создаешь настоящих мертвецов. Поздравляю.

Селена-Сабрина замерла, заметив бинты на шее Валери, выходящей из тени. Искусственный вздох сорвался с ее губ.

– О, боже... Ты и правда лишил ее голоса, Адриан? Заставил согласиться на эту операцию? – Сделав театральный шаг к племяннице, она протянула руку, будто собираясь поправить повязку. – Как удобно... Теперь она не сможет сказать, кто из нас настоящий монстр.

Валери широко раскрыла глаза. Ее пальцы впились в стену, покрытую шелковой штукатуркой – на вид гладкую, как лед, но под давлением ногтей обнажающую шершавую основу. Хриплый звук, нечто среднее между стоном и криком, вырвался сквозь плотные бинты, и на перламутровой поверхности остались едва заметные царапины, будто сама больница сохранила следы отчаяния Валери. Она резко отпрянула от Селены, но дрожь в руках выдавала не страх, а сдерживаемую ярость.

Адриан наблюдал за этой сценой с ледяным спокойствием.

– Голос ей не нужен, – произнес он, указывая на слезы, оставляющие влажные дорожки на бледных щеках Валери. – Твои собственные слова душат ее куда эффективнее любых бинтов.

Бросив партитуру маэстро на пол, Валери рванула по коридору к дальнему лестничному пролету. Селена, метнув Адриану взгляд, в котором смешались ярость и паника, подняла ноты

с пола, где они лежали на безупречно белой поверхности, напоминающей операционный стол, – даже пыль здесь боялась осесть – и бросилась вслед за дочерью.

– Бегите, бегите... – Адриан лениво поднял упавший лист с нотами, проведя пальцем по помятой странице. – Но куда вы денетесь от самих себя?

Адриан скользнул взглядом по партитуре, и внезапно его внимание приковал пятый такт – там, где строгие четвертные ноты неожиданно преобразились в имена: Габриэль Рид и Валентин Вайс. В тот же миг в сознании зазвучала скрипка, но не благозвучная мелодия, а пронзительный визг, будто кто-то намеренно терзал струны, заставляя их кричать от боли.

Перед его внутренним взором развернулась странная картина: просторный склад, заставленный аккуратными коробками. На первый взгляд – обычное хранилище музыкальных инструментов, но почему-то футляры напоминали скорее детские гробики, выстроенные в бесконечные ряды. Габриэль, его отец, с холодной точностью хирурга подписывал документы, в то время как Валентин, отец Валери, принимал их с улыбкой, которая резала слух, словно фальшивая нота в идеально выстроенном аккорде.

Когда Габриэль открыл один из футляров, вместо ожидаемой скрипки в бархатном ложе покоился холодный, отполированный до блеска металл, а рядом белел небольшой пакетик с чем-то, напоминающим пепел или пыль забытых нот. Габриэль провел по нему пальцем, оставив след.

– Хорошая работа, – произнес отец, и его голос прозвучал так, будто доносился из глубины колодца, наполненного давно забытыми тайнами.

Музыка в голове Адриана внезапно оборвалась, оставив после себя лишь гулкую тишину. Он зажмурился, пытаясь избавиться от навязчивого видения, но ноты перед глазами продолжали танцевать, теперь напоминая скорее следы от пуль на бетонной стене.

– Так вот почему эта партитура так дорога тебе, отец... – прошептал он, сжимая лист бумаги до хруста. – Здесь записаны не ноты. Здесь – твои грехи.

Пять часов назад.

Валентин сидел в кожаном кресле с протертыми подлокотниками, его пальцы, покрытые тонким слоем пота, были стянуты проводами полиграфа. На экране ноутбука, стоявшего на шатком металлическом столе, змеились разноцветные волны – зеленые всплески правды сменялись алыми пиками лжи.

Детектив, не отрываясь, следил за графиками, его веко подрагивало от напряжения. В душном помещении пахло перегоревшим кофе и старыми проводами.

Напротив, за столом с царапинами от канцелярских ножей, Селена скрестила руки на груди, сжав локти так, что складки ее белоснежной блузки напряглись. Она откинулась на спинку стула, и тот жалобно скрипнул, будто протестуя против ее расслабленной позы. В ее взгляде читалось не раздражение, а скорее холодное любопытство, словно она наблюдала за неудачным экспериментом, а не за попыткой вывести мужа на чистую воду.

Сухой, надтреснутый смех Валентина разорвал тишину, будто стая воронов сорвалась с колокольни. Его пальцы дернулись в проводах полиграфа, заставив волны на экране взметнуться в алом от ярости. Селена не дрогнула, а лишь слегка приподняла подбородок, словно ловя этот звук, как яд на кончике языка.

– Почему вы решили, что это я отравил Джека Леймана? – Валентин развел руками, и провода натянулись, будто струны на скрипке перед срывом. – Где ваши доказательства?

Его глаза – желтые, как у старого волка – впились в Селену.

– Неужели тебе явилась моя покойная жена и нашептала этот бред?

«Ублюдок» – слово обожгло Селену изнутри, но ее губы растянулись в сладкой улыбке Сабрины.

– Знаешь, что отличает меня от твоей жены? – Она медленно наклонилась вперед, и тень от ее фигуры поползла по столу, как черная лужа. Голос стал тише, но каждое слово падало четко, словно гвоздь в крышку гроба: – Селена прощала тебе измены, преступления, ложь...

Воцарилась пауза. Воздух зарядился током.

– ...а я не прощаю тех, кто притворяется ангелом, когда под маской – давно сгнившая плоть.

Ее ноготь шелкнул по поверхности стола.

– В Геллосанде нет святых. Только дьяволы и те, кто им служит.

Валентин провёл языком по потрескавшимся губам, оставив на них влажный блеск. Его усмешка была похожа на гримасу, будто он пробовал на вкус собственную ложь. Селену он мог обманывать годами, кормя ее сладкими обещаниями, как ребенка леденцами. Но Сабрина... С ней все было иначе. Она словно видела его насквозь, будто он был сделан из стекла.

– Слушай, зачем ты вернулась? – Его голос звучал притворно-мягко, как шепот соблазнителя. – Тебе нужны мои деньги? Мои связи в киноиндустрии? – Он делал паузы, наблюдая за ее реакцией, как игрок, раздающий карты. – Я тебе все дам.

Селена рассмеялась, коротко и резко, будто лопнула струна. Этот смех был полон такой горечи, что воздух в комнате словно пропитался ядом. Ее пальцы сжали край стола, оставляя на нем следы от ногтей.

Переведя взгляд на детектива, она внезапно преобразилась. Ее черты стали твердыми, как высеченные из мрамора, а голос обрел стальную интонацию:

– Оставь нас и выключи камеры минут на пять.

Детектив, не проронив ни слова, поднялся. Его стул скрипнул, нарушая тишину. Дверь захлопнулась, и красный огонек камеры погас. Комната не погрузилась в полную темноту – где-то в потолке замигал тусклый свет, будто больничный монитор, фиксирующий агонию. Каждые пять секунд желтоватая вспышка выхватывала из мрака то бледное лицо Валентина, то властный взгляд Селены, то ручки кресла, в котором он сидел. В перерывах между вспышками тьма становилась гуще, чем прежде, а тишину нарушал только удар сердца Валентина и Селены.

Селене казалось, что с каждым миганием воздух в комнате становится тяжелее. Она вдыхала его медленно, чувствуя, как он оседает в легких свинцовой пылью. Даже время теперь измерялось этими вспышками – три удара сердца во тьме, один во свете.

После ухода детектива Валентин почувствовал, как комната словно сжалась вокруг него, а Селена-Сабрина превратилась скорее в адвоката дьявола, чем в карающего ангела. Ее бакланово-бордовые волосы, собранные в каскад локонов, пылали в полумраке, приобретая кровавый оттенок при тусклом свете.

– После смерти жены и старшей дочери ты действительно ничего не чувствуешь? – спросила Селена ледяным тоном, не отрывая пронзительного взгляда от мужа.

Валентин лишь цинично вскинул бровь:

– А должен?

В этот момент Селена с абсолютной ясностью осознала: в человеке, которого она когда-то любила, не осталось ничего человеческого. Его душа сгнила заживо, оставив лишь пустую оболочку, умеющую улыбаться и лгать.

Губы Селены искривились в сладкой, ядовитой улыбке, которую она скопировала у сестры до мельчайших морщинок. Она медленно обвела пальцем по краю стола, оставляя на пыльной поверхности идеально ровную черту.

– Милый, – ее голос звенел, как хрустальный бокал, – я просто восхищаюсь твоей... цельностью. – Она намеренно сделала паузу, давая слову повиснуть в воздухе. – Большинство людей хотя бы притворяются, что им больно. Но ты... ты словно вырезал эти эмоции скальпелем. Поучительно.

Она наклонилась ближе, и в мигающем свете ее глаза вспыхнули неестественным блеском:

– Скажи, когда ты последний раз плакал? Нет, подожди... – Раздался легкий смешок, будто она делилась безобидной шуткой. – Когда ты последний раз хотя бы моргал, глядя в зеркало?

Ее рука внезапно сжала его запястье с такой силой, что ногти впились в кожу, но лицо сохраняло безупречное выражение светской беседы.

– Не отвечай. Мне вдруг стало интересно, сколько времени потребуется, чтобы твоя великолепная маска наконец треснула. Дай угадаю... – Она прикусила нижнюю губу, точь-в-точь как Сабрина в задумчивости. – Ровно столько, сколько нужно, чтобы понять, что под ней давно ничего нет?

Валентин резко дернул руку, но Селена успела вонзить ногти глубже, поэтому тонкие полоски крови выступили на его запястье.

– Какая ты сегодня... *трогательная*, – прошипел он, впервые за день потеряв надменную улыбку. Его зрачки расширились в темноте, улавливая мерцание света на ее лице.

Он не стал вытирать кровь. Вместо этого медленно провел пальцами по столу, оставляя алый след рядом с идеальной чертой Селены-Сабрины.

– Знаешь, что общего у тебя и Сабрины? – Его голос стал тише, но каждое слово било точно в нерв. – Вы обе думаете, что видите меня насквозь. Но маски носят все... даже *ангелы*.

Вспышка света поймала его лицо, и в этот миг оно казалось вырезанным из желтого мрамора: красивым, мертвым и холодным.

– Только вот твоя... – Валентин намеренно потянул паузу, – уже треснула. С самого начала.

Селена замерла на мгновение, затем звонко и искусственно рассмеялась, точь-в-точь как Сабрина в моменты наигранного веселья. Ее пальцы внезапно отпустили его запястье, будто обжигаясь о его слова.

– Ох, милый, – она провела языком по верхней губе, копируя привычный жест сестры, – ты всегда был таким... поэтичным в своей паранойе. – Легким движением она стряхнула с кончиков пальцев капельку его крови. – «Треснула маска»? Боже, это звучит как название дешевого романа, который ты читал вслух жене в медовый месяц.

Она резко встала, заставив стул визгнуть по полу, и обошла стол, двигаясь с той же грацией, что и Сабрина, будто скользя на коньках по тонкому льду. Остановившись в полушаге от него, она наклонилась так близко, что ее дыхание коснулось его кожи:

– Но если уж говорить о трещинах... – ее голос стал сладким, как испорченный мед, – интересно, что увидела бы твоя дорогая покойная жена, если б посмотрела в твои глаза прямо сейчас? Ту самую «пустую оболочку», о которой ты только что так трогательно поведал?

Ее рука внезапно взметнулась к его лицу, но лишь чтобы поправить воображаемую соринку на его воротнике, как это делала Сабрина. В мигающем свете ее улыбка казалась вырезанной из льда:

– Не волнуйся, дорогой. Я не стану разочаровывать тебя правдой. В конце концов, – она отвернулась, позволяя свету скрыть выражение ее глаз, – ты и сам прекрасно знаешь, что под твоей маской.

Валентин застыл, словно в него вонзили ледяную иглу. Его пальцы непроизвольно сжали край стола. В мигающем свете его лицо стало пепельно-серым, а в глазах, обычно таких уверенных, мелькнуло что-то животное: не страх, а ярость загнанного зверя, который вдруг осознал, что попал в капкан собственной лжи.

– Интересная теория... – его голос звучал хрипло, будто сквозь тугую петлю на горле. Он медленно поднялся, отбрасывая на стену искаженную тень. – Но у мертвых, дорогая, есть

одно преимущество... – Его рука дрогнула, когда он потянулся к ее лицу, но остановился в сантиметре от кожи, – ...они не возвращаются, чтобы задавать вопросы.

В последней вспышке света перед паузой тьмы его глаза метнулись к двери – подсознательный жест человека, рассчитывающего пути отступления. Когда свет вернулся, на его лице уже была маска прежней уверенности, но нижняя губа слегка дрожала, выдавая внутренний шторм:

– Так кто же ты? – он прошептал так тихо, что слова едва долетели до нее. – Призрак... или нож в спину, который я сам когда-то забыл вытащить?

Его ладонь резко опустилась на стол рядом с кровавым отпечатком ее пальцев, и теперь они лежали рядом, как две улики на месте преступления. В этом жесте было что-то обреченное: он больше не пытался убежать или доказать что-то. Валентин просто ждал ответа, который, как он уже понял, может стать для него смертным приговором. В следующее мгновение губы Селены искривились в улыбке, которую не смогла бы повторить ни одна живая душа, а только призрак или демон. Она скрестила руки на груди, и ее ноготь, все еще испачканный его кровью, медленно провел по шелку блузки, оставляя тонкий алый след.

– Настолько ты плохой муж, что даже лицо жены забыл? – Ее голос звенел, как разбитое стекло под каблуком. – Или... – она наклонилась ближе, – ты просто никогда по-настоящему не смотрел на *Сабрину*? Только на ее отражение в зеркалах твоего дворца?

В мигающем свете зрачки Селены казались абсолютно черными – без дна, без искры жизни. Именно в этот момент Валентин с ужасом осознал: перед ним не сестра. Не женщина. Это было нечто, пришедшее из того места, куда он когда-то отправил свою жену.

Валентин Вайс резко сглотнул, его кадык болезненно дернулся, когда он отступил на шаг, спиной наткнувшись на холодную стену. Это бегство вызвало у Селены едва заметную улыбку – не торжествующую, а скорее голодную, как у хищницы, видящей, как добыча сама заходит в ловушку.

– Чего ты хочешь? – его голос дал трещину, обнажив страх под маской бравады.

Селена плавно сократила расстояние между ними. В мерцающем свете ее глаза вспыхнули тем самым безумием, которое Валентин видел только у одного человека – у *Сабрины* в последние минуты перед смертью.

– Твоя жена... – она начала тихо, растягивая слова, словно пробуя их на вкус, – перед тем как уйти, попросила меня об одной услуге. – Ее голос был точной копией сестрино – тот же томный тембр, те же ядовитые паузы. – Защитить младшую дочь. И напомнить тебе, кто ты на самом деле... под этой дешевой маской продюсера.

Ее ладонь легла ему на грудь, ногти едва не впивались в ткань рубашки:

– Если и дальше на допросе ты продолжишь врать... – она наклонилась к самому уху, – твои адвокаты узнают, что их гонорары оплачены из фонда для сирот. Думаешь, они останутся?

Его веко дернулось, будто током ударило по нерву, а камеры внезапно ожили, красный огонек замигал, и дверь распахнулась, впуская детектива. Валентин, как зомби, опустился в кресло. Когда к его пальцам вновь прикрепили датчики, волны на экране ноутбука сразу же начали бешеный танец – даже до первого вопроса было ясно: теперь он не сможет врать. Каждая клетка его тела кричала о правде, которую он так тщательно хоронил годами.

Селена опустилась на стул с грацией хищницы, устраивающейся у добычи. Ее кивок детективу был едва заметен – лишь тень движения в полумраке комнаты. Скрестив руки на груди, она превратилась в статую с ледяными глазами, в которых мерцало нечто нечеловеческое.

– Вы организовали убийство Аманды Лейман на поминках? – голос детектива прозвучал механически, словно он сам не верил, что услышит ответ.

Валентин не отвел взгляда от жены. Его пальцы вцепились в подлокотники кресла, когда он выдохнул:

– Да.

Тогда Селена-Сабрина улыбнулась, но не губами, а лишь одним уголком рта, будто дергая за невидимую ниточку. Ее голос, низкий и сладкий, заполнил комнату вместо детектива:

– Ты признаешься, что отравленная пуля принадлежит твоему оружию? – ее ноготь прочертил линию по столу. – Что сделал это из-за тех самых нот, которые ее муж успел вложить в руку твоей дочери перед смертью? – В воздухе повис запах духов Селены, внезапно ставший удушающим. – Признаешь ли ты, что боялся, как бы Аманда не передала Валери и Адриану то, что ты украл у них обоих?

Валентин сжал челюсти так сильно, что скулы побелели под кожей. Сквозь стиснутые зубы его признание вырвалось, как стон раненого зверя:

– Да... убил Аманду. – Капли пота скатились по вискам. – Но ее мужа – никогда. Это сделал не я.

В этот момент волны на мониторе взметнулись вверх, сливаясь в одну зеленую линию – машина зафиксировала первую за сегодня правду. Селена медленно закрыла глаза, словно слушая отголоски давнего крика, который наконец смолк.

Детектив перевел взгляд с Селены на Валентина, пальцы замерли над клавиатурой ноутбука.

– Вы с Габриэлем Ридом перевозили запрещенные грузы в музыкальных футлярах? – он следил, как волны на экране резко пошли вверх. – И средства из вашего продюсерского фонда шли на специальные проекты?

Валентин медленно усмехнулся, его поразило, насколько глубоко копнули в его прошлое.

– Вы называете это «запрещенные грузы»? Это арт-проект! – Он провел языком по зубам, будто пробуя на вкус их беспомощность, прежде чем загрохотать смехом. – Вы еще спросите, сколько певиц я перетрахал, делая из них звезд, – парировал он, намеренно растягивая слова. – Или, может, хотите обсудить, кто из них лучше всех имитировала оргазм?

Селена резко сжала кулак в левой руке, ее ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы на коже. Детектив, не реагируя на провокацию, продолжил:

– Это допрос об убийствах и наркотрафике, а не о ваших сексуальных подвигах. Ответьте на вопрос.

Валентин медленно закатил глаза, словно устал от этой банальности, прежде чем бросить с ледяной небрежностью:

– Да, вся правда. Пятьдесят процентов фонда идут на спецпроекты, – его пальцы изящно изобразили весы в воздухе, – остальные пятьдесят... – тут голос неожиданно дрогнул, – на «Приют Святой Сесилии», где я гнил после того, как мать сгорела от опухоли в больничном подвале.

Детектив резко поднял бровь настолько, что она почти исчезла под козырьком кепки. Селена сузила глаза, ее ноздри слегка раздулись, словно она уловила в его словах фальшивую ноту. Но волны на экране, пульсирующие ровными зелеными линиями, неумолимо подтверждали: он говорил правду.

– Что, дорогая? – Валентин растянул губы в улыбке, от которой стало холодно. – Думала, у меня нет своего... святого места? – Он намеренно сделал паузу, наслаждаясь ее замешательством. – Там, кстати, есть мемориальная доска с моим именем. Иронично, не правда ли? Самый щедрый благотворитель – их же позорный воспитанник.

Селена замерла на мгновение. В глазах вспыхнуло что-то неуловимое: не жалость, а скорее ядовитое любопытство хищника, обнаружившего новую слабость жертвы.

– Как трогательно, – ее голос звучал сладко, как сироп с цианидом, – ты покупаешь себе индulgенции, оплачивая ту самую больницу, где твоя мать умирала в луже собственной мочи? – Она наклонилась вперед, и в мигающем свете ее тень на стене изогнулась, как готовящаяся к

прыжку пантера. – Или, может, надеешься, что эти деньги отмоют тебя от ее криков, которые до сих пор слышны в том подвале?

Ее ноготь медленно прочертил линию по столу, оставляя едва заметную царапину:

– Я ведь проверяла. В том подвале теперь склад, в котором пахнет формалином и дешевым отбеливателем. – Внезапная улыбка обнажила слишком ровные зубы. – Но иногда санитарки слышат... стон. Думают, трубы. А ты-то знаешь, правда?

Волны на мониторе вдруг взметнулись, но не на реплику Валентина, а на ее слова. Детектив резко перевел взгляд с экрана на женщину, но Селена уже откинулась на спинку стула, снова надев маску равнодушия. Только ее ступня под столом медленно раскачивалась, как маятник, отсчитывающий секунды до взрыва.

Валентин медленно разжал пальцы, сжимавшие подлокотники кресла, и рассмеялся, сухим и беззвучным смехом, словно скрип несмазанных шестеренок в механизме.

– Крики в подвале? – Его голос внезапно стал мягким, почти ласковым. – Какая ты сентиментальная, дорогая... – Он наклонился вперед, и в мигающем свете его глаза казались абсолютно пустыми. – Я тогда в том подвале плакал. А знаешь, что сказала мне мать перед тем, как сдохнуть?

Пауза. Воздух стал густым, как ртуть.

– «Сынок, грехи не смываются слезами – только кровью». – Он щелкнул языком, будто вспоминал анекдот. – Так что не переживай... мои «индульгенции» – просто декорации. Настоящая расплата еще впереди.

Волны на мониторе полиграфа вдруг застыли – ни правда, ни ложь, а мертвая прямая линия, словно его тело на секунду отключилось от реальности.

– Кстати, о больничных подвалах... – Валентин улыбнулся, впервые за весь допрос глядя прямо в глаза детективу. – Ты же проверял, кто сейчас арендует тот склад?

Пауза царил недолго, прежде чем Валентин улыбнулся и продолжил:

– Дам подсказку. Имя человека начинается на «Г».

Селена резко поднялась, стул с грохотом откатился назад. Ее голос, еще секунду назад звучавший сладко, стал острым как бритва:

– Допрос окончен. Я услышала все, что хотела. – Она провела ладонью по лицу, и когда рука опустилась, на нем не осталось и следа от прежней любезности. – Благодарю за откровенность, Валентин. Наша... беседа была... познавательной.

Развернувшись к двери, она сделала четыре четких шага, прежде чем его вопрос пронзил воздух:

– И что ты собираешься делать с этой «правдой»? – Валентин откинулся в кресле, сложив пальцы домиком. – Посадить меня? – Его усмешка обнажила белоснежные зубы. – В Гелло-санде тюрьмы строят для бедных. Ты же знаешь: здесь законы пишутся золотыми чернилами.

Селена остановилась, не поворачивая головы. Ее тень на стене казалась вдруг неестественно высокой.

– Посадить? – Она рассмеялась, один короткий, сухой звук, будто скрип замка. – О нет, дорогой. Я просто отправлю тебя туда, куда ты отправил мою сестру. – Пальцы ее сжали дверную ручку. – В мир, где твои деньги – всего лишь пепел на ветру.

Дверь распахнулась, впуская шум коридора, но последние слова все равно долетели до него четко:

– Хорошего дня, Валентин.

Дверь захлопнулась, и в тот же миг тело Валентина преобразилось. Его пальцы впились в кожаную обивку кресла, оставляя на ней десять бледных лунок от ногтей. Мышцы спины напряглись, как у пантеры перед прыжком, но уже через мгновение он обмяк, словно из него выдернули стержень. Только левый глаз продолжал мелко дергаться – единственная утечка его ярости.

– Интересная женщина, не правда ли? – Голос его звучал бархатисто, пока он протягивал детективу руки с красными полумесяцами царапин. – Жаль, ее сестра не дожидка до таких... *спектаклей*. – Зрачки скользнули к красному глазу камеры, замершему в углу: – Вы ведь сохранили пленку? Для истории.

Когда детектив наклонился к замкам на его лодыжках, пальцы Валентина нашли в кармане ту самую проколотую монету, что он носил с времен приюта. Металл был теплым от его тела. Один бросок между пальцами, два... и вдруг – мертвая хватка. Решение принято.

Поднимаясь, он поправил манжету рубашки, пряча кровавые дорожки. Шелк мягко лег на раны, как саван на труп.

– Передайте Сабрине, – его губы растянулись в улыбке, от которой у сторожа за дверью непроизвольно съежились плечи, – что я заказал ее любимое вино к ужину. В нашем... семейном гнезде.

Валентин вышел. Шаги его по бетонному коридору отдавались металлическим эхом, слишком размеренным для простой прогулки. Каждый удар каблука по полу напоминал отсчет метронома перед взрывом.

А в кулаке, сжатом за спиной, медленно сочилась кровь из пореза о заточенный край той самой монеты. Очередная жертва его будущей мести.

Тем временем в другом конце здания глухой удар двери отозвался эхом по узкому полицейскому кабинету, заставленному папками с грифом «Секретно». Селена шагнула вперед, ее каблуки глухо стучали по линолеуму, пока она приближалась к старшему следователю. Тот сидел, развалившись в кресле, и лениво потягивал кофе из потрепанного бумажного стакана. Экран компьютера отбрасывал синеватый отблеск на его небритую щеку.

– Найдите все, что есть о приюте Святой Сесилии, – ее голос резанул воздух, как лезвие. Пальцы тем временем выхватили телефон из кармана пальто.

За соседним столом, заваленным папками, вздрогнула молодая полицейская. Ее глаза, до этого сонно скользившие по бумагам, вспыхнули азартом.

– О, это же... – она приглушила голос, словно боясь, что стены подслушают, – самый проклятый приют в стране.

Селена медленно подняла взгляд. Телефон в ее руке замер, экран освещал холодное выражение лица.

– В подвалах там... – девушка облизнула губы, – дети исчезали. Говорят, их использовали в каких-то экспериментах. А потом... – ее пальцы сжали край папки, – вдруг кто-то вбухал миллионы в ремонт. И теперь там снова дети.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только шипением кофемашины в углу.

Селена, не моргнув, уставилась на полицейскую.

– Кто дал деньги?

Девушка побледнела.

– Не знаю. Но... – она нервно перевела взгляд на старшего следователя, – говорят, пожертвование пришло через офшоры.

Не прошло и пяти секунд, как в сознании Селены со щелчком сложился пазл. Ее глаза сузились до ледяных щелей.

– Сукин сын... – шипящий шепот сорвался с ее губ, пока она резко наклонялась к компьютеру, выхватывая мышку. – Я должна была предвидеть этот ход.

Пальцы затрепетали над клавиатурой, вбивая в поиск «Биография Валентина Вайса». Рядом старший следователь подавился кофе, кашляя в кулак.

– Если позвонит кто-то из людей Валентина или Габриэля... – ее ноготь щелкнул по клавише Enter, – вы не видели меня. Не слышали. Не дышали в мою сторону. Понятно?

Из сумки появилась толстая пачка банкнот. Она шлепнулась на стол, заставив бумажки следователя взметнуться.

– Соберете все о приюте. Пришлете мне его сегодняшнее признание. – Вторая пачка денег легла рядом, чуть левее клавиатуры. – И сделаете два дубликата видео. Один – мне. Другой... – ее губы растянулись в улыбке без тепла, – удалите на глазах у его людей, если явятся. Актуально?

Стеклянный взгляд скользнул по их лицам, не оставляя места для возражений. В воздухе запахло мятой и страхом. Старший следователь молча кивнул, глотая ком в горле. Селена уже вышла в коридор, когда ее пальцы набрали номер Александры Рид. Та ответила после первого гудка.

– Признание дьявола у меня, – голос Селены разрезал тишину пустого коридора. Каблуки ее сапог отбивали четкий ритм по полу. – Все совпало с моими расчетами. Теперь ждем ответного хода... их «семейный бизнес» не потерпит такого удара.

В трубке повисла секундная пауза, в которой лишь слышалось прерывистое дыхание Александры.

– Какие указания? – наконец спросила она, и Селена уловила в ее голосе тот же стальной оттенок, что был когда-то у Габриэля.

Александра выслушала план подруги, и на ее губах расцвела улыбка. Положив трубку, она вернула пальцы к клавишам рояля в актовом зале школы искусств. Звуки наполнили пространство, а бриллиант на ее кольце вспыхнул холодным блеском под лучом прожектора. Лишь тень ее погибшей дочери могла бы узнать эту симфонию – ту самую, что когда-то сочиняли вместе. Ученица у нотного пюпитра продолжала петь чистым сопрано, даже не подозревая, какие воспоминания пробуждает каждая нота.

– Я зажгу Геллосанд так ярко, что даже тени мертвых ослепнут... – прошептала Александра, ударив по клавишам диссонирующим аккордом. – И первым сгорит «ангел» без крыльев.

В этот момент ученица, не понимая смысла этих слов, взяла кристально чистую ноту – такую пронзительную, будто ангел запел на собственных похоронах.

Четыре с половиной часа назад.

Эмма взяла высокую ноту, но тут же скривилась, будто от удара. Ее голос прозвучал фальшиво, пронзительно, как треснувшее стекло. А завтра... завтра ей предстояло выйти на сцену Большого театра, где среди жюри будет *она* – Саманта Райцес, ее бабушка по матери, легенда музыкального отделения, одна из тех, чье слово решало судьбы.

Мать не оставляла ей выбора. Софи требовала невозможного: «Золотого соловья» во что бы то ни стало, а затем – пост директора школы искусств. Но Эмма знала правду: она не Селена Вайс. Не обладала тем бархатным тембром, той безупречной техникой. Сколько бы она ни репетировала, голос не становился лучше – только усталость копилась в связках, а в горле застревал ком отчаяния.

Пустой зал давил тишиной. Сцена, освещенная одинокими софитами, казалась огромной, а она – крошечной и беспомощной. Ноты на пюпитре расплывались перед глазами. Эмма схватила бутылку с водой, сделала три жадных глотка, но даже холодная влага не смогла смыть горечь поражения.

– Гори оно все к черту! – прошипела она, с силой закручивая крышку. Голос дрожал, но не от страха, а от ярости. Ярости на себя, на мать, на эту проклятую статуэтку, которая уже казалась ей не наградой, а приговором.

Эмма снова взяла сопрано, и в этот момент в глубине зала скрипнула дверь. Из полумрака верхних ярусов, где ряды бархатных кресел тонули в сумраке, возникла женская фигура: серая тень в распахнутом пальто, с шелковым платком, накинутом на голову, и темными очками, скрывающими взгляд.

Звук оборвался. Эмма почувствовала, как холодеют пальцы, сжимающие край пюпитра, пока незваная гостья медленно спускалась по ступеням. Каждый ее шаг отдавался четким стуком каблуков – резким, металлическим, будто отмеряющим такт. Мрамор лестницы звенел под этими ударами, а в пустом зале эхо разносилось, как предостережение. Когда женщина остановилась, Эмма, машинально поправив выбившуюся белую прядь, удивленно приподняла бровь.

– Сабрина Вейн?

Вопрос заставил Селену усмехнуться. Не снимая очки и платок, она поставила сумочку на сиденье и сделала несколько шагов к сцене.

– Здравствуй, Эмма, – произнесла она мягко, почти по-сестрински. – Я слышала, завтра конкурс... а у тебя проблемы с голосом.

Ее тон заставил Эмму напрячься. Так и не сойдя со сцены, девушка скрестила руки на груди.

– Откуда вы все знаете?

На губах Селены расплылась хитрая, лисья улыбка. Она опустилась в кресло первого ряда, грациозно закинув ногу на ногу.

– О, птичка нашептала, – протянула она, нарочито делая паузу. – Твоя мать, как я понимаю, все еще одержима... и требует от тебя невозможного.

Голос ее звучал притворно-сочувственно, но в глазах, за темными стеклами очков, читалось что-то другое. Эмма сжала губы, чувствуя, как пальцы дрожат. Эта женщина говорила слишком уверенно, как будто уже знала, чем закончится завтрашний конкурс.

– «Птички» у вас, видимо, очень болтливые, – резко бросила она, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Но если вы пришли просто чтобы напомнить о моих «проблемах», то зря теряете время.

Селена медленно наклонила голову, и свет софитов скользнул по темным очкам, скрывая ее выражение.

– О, я пришла не напоминать, – она провела рукой по спинке кресла, словно поглаживая невидимое животное. – А предлагать помощь. Ты же не хочешь, чтобы завтра твоя бабушка и мама... *разочаровались?*

Эмма резко выпрямилась.

– Какая помощь? Вы же даже не певица, вы... – она запнулась, внезапно осознав странность ситуации. Сабрина Вейн – бывшая пианистка и актриса, их последняя встреча была семь лет назад до аварии на благотворительном вечере Вайсов. Почему теперь она здесь?

– Я многое умею, – Селена сбросила платок, и черный шелк беззвучно соскользнул на сиденье. – Например, знаю, как за один вечер сделать голос... *гибким.*

Эмма рассмеялась, но смех ее звучал нервно и неестественно.

– Вы ведь актриса, а не певица. Откуда такая уверенность? – спросила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Селена ответила не сразу, ее губы растянулись в едва заметной улыбке, пока она наблюдала, как дергается уголок губ Эммы.

– Хочешь проверить мои способности? – наконец произнесла она с ледяным спокойствием.

Тишина стала гуще, почти осязаемой. Даже привычный скрип старых кресел и шелест вентиляции куда-то исчезли, словно сам воздух застыл между ними.

От ледяного тона Селены по спине Эммы пробежали мурашки. Софиты, освещавшие сцену, внезапно показались ей слишком яркими: их свет теперь резал глаза, отбрасывая резкие тени от нотных листов. А внизу, в первом ряду, Селена сидела, как сфинкс – неподвижная, с той же полуулыбкой, от которой холодело внутри.

Где-то в глубине зала скрипнула дверь (ветер? Сквозняк?), и Эмма невольно вздрогнула. Ей вдруг стало ясно: это не просто разговор. Это *испытание*. И правила игры знает только одна из них.

– Почему вы вдруг предлагаете мне помощь? – наконец спросила Эмма после долгой паузы.

Селена именно этого вопроса и ждала.

– Я помогу тебе, а ты – мне. Все просто, – произнесла она, растягивая слова.

Эмма с подозрением прищурилась, по-прежнему скрестив руки на груди.

– И в чем заключается моя помощь? – спросила она.

Селена, покачивая ногой, намеренно выдержала паузу перед ответом:

– Ты запишешь на телефон аудио, где твоя мать признается в причастности к аварии семилетней давности.

Эмма рассмеялась – ее смех, подобно раненой птице, разлетелся по пустому залу. В этот момент она поняла всю глубину иронии: она знала о матери куда больше, чем та могла предположить. Когда Эмма резко оборвала смех, в наступившей тишине ее голос прозвучал ледяно:

– Какая трогательная забота... Ты хочешь аудио? – Палец с издевкой прикоснулся к собственному виску. – Да я могла бы целую оперу спеть о том, как мамочка «случайно» подмешивала седативные в чай бабушке перед голосованием за «Золотого соловья». Или как «теряла» медицинские заключения конкурентов...

Она сделала шаг к краю сцены, тень от софитов резко очертила ее силуэт:

– Но зачем тебе пленка, Сабрина? Ты что... боишься, что без доказательств тебе не поверят, что твою сестрицу убрали намеренно? – Губы Эммы искривила горькая усмешка. – Или это для твоего личного архива? Чтобы в нужный момент... шелк – и еще одна карьера рассыпалась в прах?

Селена медленно поднялась с кресла, ее губы растянулись в теплой, почти сестринской улыбке. Ирония ситуации была восхитительна – две искусные кукловодчихи, прикрывающиеся личинами невинности, теперь стояли друг против друга, готовые скрепить свой пакт молчания. Будто две актрисы в спектакле без зрителей, где каждая репетировала свою роль целую жизнь.

Когда Селена-Сабрина приблизилась к сцене, Эмма внезапно узнала эту походку. Так ходила *только Селена*. «*Не может быть!*» – мелькнуло у нее в голове. Но это невозможно. *Селена мертва*. Призраков не существует.

Или... все-таки существуют?

Увидев, как на мгновение побледнела Эмма, Селена улыбнулась. Она специально прошла характерной походкой, ненадолго сбросив маску сестры-близнеца. Зная психику девушки, Селена планировала свести с ума дочь той, что убила ее старшую дочь семь лет назад.

– Мертвые возвращаются, если их боятся, – произнесла Селена своим настоящим голосом.

Эмма отшатнулась и часто заморгала.

– Что? – сорвалось с ее губ.

– Говорю, что помогу тебе заслужить похвалу матери и бабушки, если ты взамен запишешь аудио, – повторила она уже голосом Сабрины.

Эмма опустила руки и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони – острая боль должна была вернуть ее в реальность. Голос дрожал, но она выдавила из себя:

– Я... я не спала три ночи. Голос срывается, ноты плывут перед глазами... – Ее губы искривил горький смешок. – Да я сама не понимаю, что реально, а что уже глюки. Но если ты и правда здесь...

Она резко вдохнула и подняла голову, внезапно ошестинившись:

– То докажи. Назови то, что знала только Селена. Например... какую песню ты должна была петь с Валери семь лет назад?

Селена-Сабрина усмехнулась и бросила:

– Откуда мне знать. В тот вечер я была на съемках фильма.

После этого ответа Эмма облегченно выдохнула.

– Значит, все-таки Сабрина.

Наблюдая за Эммой, Селена-Сабрина усмехнулась. В каком-то смысле иметь сестру-близнеца было преимуществом – тех, кто плохо их различал, можно было свести с ума и довести до могилы.

– Боишься Селену? – Наклонившись чуть вперед, Селена-Сабрина продолжила: – Не бойся. Моя сестра добра к тем, кто не переходит ей дорогу и слушается. К тому же, призраков боятся только трусы.

Эмма резко встряхнула головой, будто отгоняя назойливых мух – все сомнения, все страхи были сметены одним движением. Ее зрачки сузились, как у кошки перед прыжком, когда она уставилась прямо в темные, как старая кровь, глаза Селены.

– Ты права, – прошипела она, медленно опускаясь на корточки. Теперь их лица оказались на одном уровне, разделенные лишь тонкой нитью напряженного воздуха. – Призраков боятся только трусы.

Ладонь с хрустом сжала край попитра.

– Я запишу то проклятое аудио сегодня же. Но с одним... маленьким... условием. – Каждое слово падало, как камень в бездонный колодец, обещая нечто большее, чем просто сделку.

На лице Селены и мускл не дрогнул, когда Эмма продолжила ядовитым тоном:

– Ты признаешься перед всем жюри, что «Золотой соловей» все эти годы покупался, – голос Эммы звенел, как лезвие. – Что моя бабушка – не единственная, кто подделывал результаты. – Она сделала театральную паузу, наблюдая, как дрогнули веки Селены. – И что твоя сестра-близнец Селена стала знаменитой не благодаря таланту, а потому что ваш папочка подкупил жюри.

Все это было ложью. Настоящая Селена победила на том конкурсе исключительно благодаря своему голосу. Но сейчас, глядя в глаза дочери женщины, которая так и не смирилась с поражением, Вайс готова была на любую подлость. Чтобы разрушить эту прогнившую систему. Чтобы наконец раскрыть правду об аварии, которую семь лет скрывали.

Неожиданная полуулыбка тронула губы Селены, заставив Эмму на мгновение замереть.

– Хорошо, – произнесла она мягким голосом Сабрины. – Можешь не волноваться, я всегда выполняю свои обещания. А тебе завтра даже не придется напрягать связки. Просто открой рот.

Ее взгляд скользнул к попитру, где лежала партитура с нотами и текстом.

– Я спою вместо тебя.

Развернувшись, Селена направилась к бархатным креслам, где осталась ее белоснежная сумочка. Эмма крикнула ей вдогонку:

– Как ты будешь петь сопрано, если ты всего лишь актриса?!

В ее голосе звенела откровенная насмешка.

Не оборачиваясь, Селена надела очки, подхватила сумочку и бросила через плечо:

– Никогда не недооценивай актрис. Мы способны творить куда больше чудес, чем ваши оперные дивы.

Эмма стиснула губы до боли, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Эта женщина двигалась слишком знакомой походкой – точь-в-точь как призрак, преследовавший ее кошмары. Когда дверь за Селеной закрылась, воздух в зале будто ожил: Эмма сделала глубокий вдох, словно впервые за весь этот разговор.

Два часа назад.

Сперва был лишь глухой стук в висках и белая пелена перед глазами. А потом – ярость, слепая и всепоглощающая. Рука Джонатона сама взметнулась, сгребая со стола бесполезные теперь бумаги, дорогие гаджеты, папки с провальными отчетами. Все рухнуло на пол с какофонией ломающегося пластика и звоном стекла, похожим на предсмертный хрип. За окном медленно гасли огни города, а здесь, на вершине его рушащегося мира, стоял он один – с сжатыми до боли челюстями и пустотой внутри. Его империя, выстроенная годами, трещала по швам из-за падения каких-то никчемных акций. И самое невыносимое – эти глаза. Десятки глаз его подчиненных, застывших за длинным полированным столом. Они не видели катастрофы – лишь гнев босса. Они ждали не решений, а приказов, вырванных из перекошенного яростью горла вместе с хриплой, нечеловеческой ноткой, которой он сам себя не узнавал. Сегодняшний день, день падения легендарной компании, производящей «Мерседесы», стал для него не бизнес-кейсом, а личным Апокалипсисом.

Прошло несколько напряженных минут, после чего Джонатан медленно выпрямился. Его дыхание выравнилось, но глаза стали похожи на осколки льда. Он обвел взглядом зал, задерживаясь на каждом лице чуть дольше, чем нужно.

– Вам интересно, почему мы здесь?.. Интересно, почему цифры на экране решили, что вы завтра можете остаться без работы?.. Это просто числа, да? Слепая игра рынка. Случайность.

Он сделал театральную паузу, мягко проводя рукой по гладкой поверхности стола, словно проверяя ее на прочность.

– Но случайность – удел лузеров. А здесь, в этой комнате, случайностей не бывает. Кто-то очень умный сегодня нажал на очень определенные кнопки. Кто-то, кто знал, где наше слабое место. Кто-то, кто празднует сейчас, наблюдая за этим... цирком. – Его голос упал до шепота, и все невольно подались вперед, чтобы расслышать. – Запомните этот день. Это не кризис. Это объявление войны. И у войны есть имена. И лица. И я их найду.

Слова Джонатана повисли в воздухе, и от них зал будто вымер. Прежний страх, острый и направленный на одного человека, начал мутировать, прорастая в душах чем-то куда более темным – всепоглощающей паранойей. Угроза перестала исходить лишь от босса, метавшего ледяные молнии взглядом; теперь ее источником мог оказаться любой, сидящий рядом. Взоры, еще недавно потупленные в стол, теперь, полные немого ужаса, закружились по комнате, выискивая на бледных лицах коллег малейшую гримасу вины или притворства.

В этой гробовой тишине стал слышен каждый звук, обретший зловещую значимость: назойливый скрип кожаного кресла, далекий гул города за стеклом, сдавленное дыхание. Люди инстинктивно отшатывались друг от друга, их глаза пугливо скользили по стенам, увязая в узорах штукатурки, в страницах блокнотов, лишь бы избежать предательского пересечения ни с холодным всевидящим оком шефа, ни с таким же испуганным взглядом соседа. Кто-то бессознательно вжимался в спинку кресла, стараясь исчезнуть, раствориться, в то время как другие, напротив, застывали в неестественно-прямых и напряженных позах, пытаясь изобразить невозмутимость, которая выдавала их с головой.

В один миг рухнула последняя иллюзия команды. От былой общности не осталось и следа, место коллег заняли заложники, загнанные в одну клетку, где жертва и палач еще не определены, но уже незримо присутствуют. Возникло немое противостояние, поделившее зал на невидимые лагеря: ветеранов против выскочек, отдел на отдел. В каждом уме зазвучал один и тот же навязчивый вопрос: «Кто?», и каждый лихорадочно искал ответ, мысленно перекладывая вину на другого, чтобы спасти себя.

И самый главный, всепоглощающий ужас был уже не в гневе Джонатана и не в предательстве кого-то из своих. Он таился в образе невидимого Врага, призрачного кукловода, который, по словам босса, сейчас где-то празднует свою победу. Джонатан не просто бросил обвинение;

он создал в пространстве комнаты пугающую пустоту, и каждый присутствующий немедленно принялся заполнять ее самым жутким из своих собственных кошмаров.

Час назад.

Бархатистое вино коснулось губ Софи как раз в тот миг, когда с экрана прозвучало название компании ее мужа. Она замерла, и лишь легкое движение кадыка выдало глоток. Напротив, Эмма неотрывно следила за матерью, прекрасно зная: та трепещет не за Джонатана и не за репутацию его империи, а за собственную шкуру.

Тишину в зале, нарушаемую лишь мерным тиканьем настенных немецких часов, разрезал серебристый звон ножа о тарелку. Эмма, не удостоив мать взглядом, отрезала аккуратный кусок стейка.

– Переживаешь, что завтра шакалы из СМИ доберутся и до тебя? – ее голос прозвучал на удивление мягко, почти ласково.

Софи резко повернула голову, пальцы судорожно сжали ножку бокала, побелев от напряжения. Эмма же, невозмутимо положив нож, уставилась в панорамное окно, где утопал в огнях ночной город.

– Слышала, что кто-то приказал раскопать и на тебя досе. – Она намеренно сделала паузу, давая каждому слову просочиться в сознание, как яд, и медленно перевела взгляд на мать. – А именно... то самое видео из «Вавилона». Где ты семь лет назад, в обществе Валентина, подписывала тот договор. И где ты так артистично предложила план с аварией на мосту, чтобы раз и навсегда избавиться от Селены Вайс.

Софи беззвучно усмехнулась, и в глазах вспыхнул холодный, хищный блеск. Она лениво поворачивала бокал, наблюдая, как по стенкам стекают багровые следы.

– Милая, – голос ее был сладок, как сироп, и ядовит, как цианид. – С чего ты взяла, что это видео вообще может увидеть свет?

Эмма медленно положила вилку. На ее лице расцвела медленная, почти нежная улыбка, от которой становилось по-настоящему страшно.

– То есть... это все правда? И авария на мосту – дело твоих рук?

Софи с глухим звоном поставила бокал на стол, прежде чем ледяным тоном бросить в ответ:

– С чего вдруг тебя это заинтересовало?

Эмма лишь равнодушно пожалала плечами, делая вид, что полностью поглощена едой. Телефон, лежащий экраном вниз, продолжал исправно записывать каждый звук, будто молчаливый и незримый свидетель за их столом.

– Да так... Просто интересно, как далеко ты готова была зайти, чтобы оказаться на той самой сцене, где завтра буду выступать я, – почти небрежно проговорила Эмма.

В этот момент Софи с силой вонзила нож в сочный стейк, с наслаждением представляя на его месте шею Селены.

– Чтобы оказаться на вершине, я пойду по головам. И мне абсолютно плевать, чьи они – никчемных людишек или выскочек, которые забыли, где их место. – Она медленно прожевала кусок мяса, устремив на дочь холодный, тяжелый взгляд. – Только попробуй завтра проиграть на конкурсе и опозорить меня перед своей бабушкой.

Уголки губ Эммы дрогнули в легкой улыбке. Она сделала небольшой глоток вина и добавила с полным безразличием:

– Не переживай. «Золотого соловья» я получу.

С этими словами Эмма взяла со стола телефон и поднялась.

– Пойду еще порепетирую.

– Не забудь про шестой такт, – бросила ей вдогонку Софи, не отрываясь от своей тарелки, когда та уже направлялась к выходу.

Как только Эмма вышла из зала, она замерла перед мраморной лестницей, остановила аудиозапись и тут же отправила файл Сабрине с сообщением: «Лови. И только попробуй меня завтра подвести».

Софи, не вставая из-за стола, продолжала смотреть на экран, где мелькало лицо ее мужа. Уголок ее губ дрогнул в едва уловимой улыбке, после чего она сделала медленный глоток вина.

– Сегодня рухнула твоя империя, а завтра... возможно, рухнет и твоя жизнь, мой дорогой муж.

Последние слова прозвучали тихо, но с такой леденящей ядовитостью, что, казалось, сам воздух в комнате стал горьким на вкус.

Глава 5

Бухгалтерия мести

Lana Del Rey – «Ultraviolence», Woodkid – «Run Boy Run», Harlots – «The Game» (из сериала «Содержанки»)

Ветер, холодный и резкий, сорвал последний багряный лист с ветки старого клена ровно в тот миг, когда Селена настигла дочь. Ее пальцы сжали локоть Валери с отчаянием тонущего, хватающегося за соломинку. Напротив, у подножия памятника Орлина, фонарь мигнул – один раз, словно моргнувшее веко мира, – и погрузил их в тревожную полутьму.

Валери вздрогнула, но не вырвалась. Она лишь прикусила нижнюю губу до боли, сдерживая нахлынувшие слезы, и медленно, с трудом перевела взгляд на Селену. Воздух между ними сгустился, стал тягучим и горьким от непроговоренной боли и лжи, пронзительной, как лезвие. Казалось, это молчание могло длиться вечно, стать их вечным проклятием. Но тяжелый, сдавленный вздох Селены разорвал его.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, – ее голос, низкий и израненный, сорвал маску, открыв ту женщину, что скрывалась за личиной мертвой сестры. В ее глазах, на миг поднятых на Валери, мелькнула бездонная тень прожитых лет. – С этим чувством мне пришлось жить семь долгих лет.

Она сделала паузу, и лишь шелест опавших листьев нарушал тишину.

– Нож в спину от близкого ранит куда больнее, чем пуля врага. Он жжет изнутри, не давая дышать.

Валери судорожно слотнула ком в горле, дернула рукой, будто от прикосновения раскаленного металла, и отступила на шаг. Она отвела взгляд, резким, почти яростным движением тыльной стороны ладони смахнула предательскую слезу, оставив на щеке красноватый след. В ответ Селена лишь горько усмехнулась одним уголком губ, беззвучно и безнадежно. Ее глаза опустились на пожелтевшие листья в руке.

– Здесь, – прошептала она, едва касаясь пальцами нотных знаков, – здесь зашифрована правда. Та самая, из-за которой меня хотели уничтожить. Но твоя тетя... она опередила их. Она разрушила план мафии, заплатив за это своей жизнью, а мне оставила в обмен свою роль. Свое имя. Свою судьбу.

Горькая усмешка тронула губы Селены, и ее рука невольно потянулась к виску, будто пытаясь смахнуть наваждение. Ветер, словно сочувствуя ее порыву, взметнул бордовые пряди и трепетно распахнул полы ее пальто, отчего она на миг показалась раненой птицей, готовой взлететь.

Валери смотрела на мать, и реальность уплывала из-под ног, как дым. Она ощущала себя зрительницей в собственном сне, где мозг отказывался складывать чудовищные пазлы правды. Казалось, еще мгновение – и этот кошмар рассыплется, уступив место привычной яви.

– Семь лет, – голос Селены прозвучал глухо, пробиваясь сквозь шум ветра, и был полон такой неизбывной боли, что у Валери сжалось сердце. – Семь лет мне пришлось вживаться в роль, заставляя себя забыть собственное имя и дышать чужими воспоминаниями, лишь бы однажды вернуться в Геллосанд и снова услышать твой голос.

Ее взгляд, темный и бездонный, был прикован к дочери, впитывая каждую ее черту.

– Семь лет я прожила чужой жизнью, чтобы выстроить каждый шаг, каждую деталь плана. Плана, как уничтожить систему, выстроенную твоим отцом, и вытащить на свет всех, кто прикрывает свои преступления благородной маской искусства.

Селена тяжело выдохнула и подняла глаза к ночному небу, где редкие звезды тонули в бархатной тьме. Она провела языком по внутренней стороне щеки, смахнув привкус старой боли, и на ее губах проступила грустная, уставшая улыбка. Перед ней, словно наяву, встало воспоминание: бесконечные дни и ночи перед зеркалом в парижской спальне, когда она, как заведенная марионетка, без конца твердила «я Сабрина». Она повторяла это имя до хрипоты, до тех пор, пока в одно мгновение отражение не улыбнулось ей чужими губами и не ответило из глубины стекла: «Теперь это ты». Голос сестры месяцами преследовал Селену, звучал в такт биению сердца, шептал в тишине. Он исчез лишь тогда, когда ее собственные жесты стали идеально плавными, а голос зазвучал томными, чуть насмешливыми интонациями Сабрины.

– Каждый день я слышала ее голос, – проговорила Селена спустя долгое молчание, и слова повисли в холодном воздухе, смешавшись с паром от дыхания. – Став Сабриной, я поняла, что в актерстве самое сложное – не сыграть другую. Самое сложное – стереть себя.

Вернув взгляд на Валери, чьи глаза блестели от навернувшихся слез, Селена продолжила, и ее голос прозвучал приглушенно и горько:

– Я знаю, что сейчас не заслуживаю ни твоего доверия, ни прощения. Но просто запомни одно: я заставлю твоего отца заплатить за все, что он совершил с тобой, пока меня не было рядом.

Селена неожиданно сделала шаг вперед и осторожно, по-матерински, сжала плечо Валери. Ее взгляд внезапно смягчился, но в нем затеплился холодный, стальной огонь.

– Но не думай, что это простая месть. Мечь – это эмоция глупцов. То, что я сделаю, будет... бухгалтерией. Простым и безжалостным приведением счетов к нулю.

Слова повисли в морозном воздухе, тяжелые и неумолимые, как приговор. Валери ощутила, как по ее спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ветром.

Ее глаза, еще мгновение назад блестящие от непролитых слез, внезапно расширились. Не от страха, а от потрясения. От осознания той бездны, что вдруг разверзлась перед ней и в которой теперь стояла ее мать. Это был не ее голос, не ее интонации. Это был голос чужой, опасной и абсолютно чуждой женщины.

Она инстинктивно рванулась назад, выдернув плечо из-под материнской руки, будто от прикосновения раскаленного металла. Бинты на ее горле внезапно стали душными и тесными, заставляя сделать короткий, сиплый вдох – единственный звук, на который она была сейчас способна. Ее взгляд, полный ужаса и непонимания, метнулся по лицу Селены, выискивая в его чертах хоть что-то знакомое, ту мать, которую она помнила. Но находила лишь отражение ледяной решимости.

Молча она покачала головой. Сначала едва заметно, потом все отчаяннее, отрицая не столько слова, сколько саму суть произнесенного. *Нет. Нет, только не это. Не становись такой.* Это была мольба, запертая под повязками, крик, застывший в ее широких, влажных глазах.

И в этом безмолвном крике было больше силы и осуждения, чем в любых громких словах.

А ветер все метал и метал по асфальту пожелтые листья, один за другим, словно переворачивая страницы их старой жизни, которой больше не было.

Воздух в зале особняка Ридов был густым и ледяным, словно его можно было резать тем же серебряным ножом, что был в руках Александры. Длинная полированная поверхность стола тянулась между ними, как пропасть, отражая холодный блеск хрустальных люстр и тихую войну двух одиноких фигур.

На противоположном конце, отодвинув стул с глухим скрежетом по идеальному паркету, устроилась Александра. Ее движения были отточенными, почти механическими, когда она принялась рассекать сочную плоть мяса. Каждый тихий скрежет стали по фарфору отзывался в гробовой тишине зала эхом.

Габриэль не смотрел на нее. Его внимание было приковано к планшету, что стоял перед ним. Холодный голос диктора бесстрастно вещал о биржевых сводках, и среди прочего – о компании Джонатана Рейна. Имя прозвучало как выстрел, заставив пальцы Габриэля сжать тяжелый хрустальный стакан с виски. Он сделал медленный, обжигающий глоток, и золотистая жидкость жгла ему горло, пытаясь растопить внутренний лед.

И лишь тогда его взгляд, тяжелый и пронзительный, медленно поднялся и устремился через всю залу на жену. В его глазах плелась невидимая паутина из ненависти, презрения и чего-то еще, старого и болезненного.

И в этой тишине, под аккомпанемент новостей и звуков ножа, его настигла память. Внезапной и ослепительной вспышкой: алое пламя шелкового платка его матери. Он видел его развевающимся на ветру, помнил его нежный, скользкий, прикосновение к своей щеке, вдыхал едва уловимый аромат дорогих духов, смешанный с запахом бесчестья. Этот клочок красного шелка был символом всего, что он потерял, – любви, что оказалась ложью, нежности, что скрывала предательство. И теперь холодная, отстраненная женщина напротив была живым напоминанием об этом, частью игры, которую он был намерен выиграть, какой бы высокой ни была цена.

Когда служанка, ступая бесшумно, поставила последнюю фарфоровую тарелку и растворилась в полумраке коридора, в зале повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием камина. Габриэль, не отрывая пронзительного, тяжелого взгляда от жены, плавным движением пальца поставил новости на паузу. Холодный голос диктора оборвался, уступив место его собственному, ровному и обволакивающе-ядовитому.

– Ты видела последний перл, опубликованный нашим общим анонимным поклонником?

Александра не спешила. Она с наслаждением прожевала кусочек сочного ананаса, томно потянувшись за бокалом с вином и лишь потом медленно подняла на мужа бездонный, абсолютно спокойный взгляд. Легкая, почти невинная улыбка тронула ее идеально подведенные губы.

– Разумеется, видела. Забавно, не правда ли? Этот опус собрал просто бешеную активность. Даже наша дорогая полиция, кажется, наконец-то проснулась от спячки.

Ее голос был мелодичным и ледяным, словно горный ручей. Но Габриэль, будто сканер, видел малейшие нюансы: как на миллиметр напряглись ее безупречные брови, как чуть замедлилось движение запястья с вилок. Он позволил себе короткую, колкую усмешку, от которой Александре пришлось прекратить жевать, чтобы сохранить маску равнодушия.

– Знаешь, что здесь по-настоящему уморительно? – Он сделал театральную паузу, наслаждаясь моментом. – Этот таинственный борец за правду вываливает грязь на всю нашу богемную тусовку. Но твое имя, моя дорогая, почему-то упорно обходит стороной. Странно, да? Ведь твоя семья – столп музыкального фонда, а уж там грешков... хватило бы на всех.

Он наблюдал, как в ее глазах вспыхивают крошечные молнии гнева, тут же погашенные железной волей.

– Но есть кое-что еще... – продолжил он, его голос стал тише и опаснее. – Алый шелковый платок, запечатленный на фоне этих «разоблачительных» фото. Слишком уж нарочитая деталь, не находишь? Словно кто-то намекает, что аноним крутится среди нас. В нашей гостиной. Пьет наше вино. Позволяет себе подобные... дешевые театральные жесты.

Усмешка Габриэля замерла в воздухе, но не достигла своей цели. Вместо того чтобы замешаться, Александра рассмеялась. Это был не смущенный смешок, а низкий, искренний, почти восхищенный хохот, который прозвучал неприлично громко в натянутой тишине зала.

– Боже мой, Габриэль, – выдохнула она, снова принявшись есть, словно он только что рассказал самый забавный анекдот. – Ты строишь такие сложные теории, прямо как герой дешевого детективного романа. «Алый платок»? Звучит весьма романтично и мелодраматично. Неужто ты поверил, что какой-то завистливый выскочка, прячущийся за монитором, осмелится войти в наш круг? Это же очевидно – дешевая постановка для таких же простодушных, как ты.

Она отпила вина, смотря на него поверх бокала с насмешливым сочувствием.

– Что до того, почему обо мне молчат... – Александра пожала плечами, изящный жест полного безразличия. – Мои секреты, дорогой, слишком дорого стоят. Их не выбросишь в интернет, как объявление о распродаже. Их покупают и продают в тишине частных клубов, о существовании которых твой «аноним» даже не подозревает. Если бы он действительно был среди нас, он бы это знал.

Александра отставила бокал и снова посмотрела на мужа ледяным, всевидящим взором, в котором читалась уже не игра, а предупреждение.

– Так что, возможно, тебе стоит сменить фокус. Искать не призраков с платками, а настоящую угрозу. В конце концов, – ее губы снова растянулись в безжизненной улыбке, – раз уж полиция заинтересовалась, кто знает, куда они посмотрят после того, как поймут, что это фарс. Может, и в твою сторону снова. А уж там грешков... хватило бы на всех, не так ли?

Александра закончила свою речь, и в зале вновь повисла тишина, на этот раз тягучая и зыбкая, как болото. Габриэль не стал ничего отрицать. Вместо этого его лицо озарила медленная, почти снисходительная улыбка, словно он наблюдал за попытками ребенка его обхитрить. Он мягко покачал головой, делая вид, что восхищен.

– Ты права, дорогая. Как всегда, безупречно логична и холодна, как отполированный до зеркального блеска паркет под нашими ногами, – его голос был бархатным и обволакивающим, но в нем сквозил лед. – Конечно, это постановка. Дешевый спектакль для плебса.

Габриэль вновь сделал театральную паузу, наслаждаясь моментом, и его глаза сузились, превратившись в две ядовитые щелочки.

– Но позволь тогда и мне порассуждать. Раз уж это фарс... то почему ты так старательно его комментируешь? – Он произнес это слово со сладкой язвительностью. – Ты обычно так яростно не защищаешься. Разве что... когда задета за живое. Или когда боишься, что твой истинный «бизнес-партнер», тот, с кем ты действительно делишься своими «дорогими секретами», уже дрожит от страха, что его вот-вот вычислят по этому самому дешевому платку?

Габриэль откинулся на спинку стула, наблюдая, как его слова, словно иглы, впиваются в ее безупречный фасад.

– Полиция? О, не беспокойся о ней. После сегодняшнего допроса я уже присмотрел для них... другого «анонима». Какого-нибудь неудачливого критика, которому ты когда-то отказала в гранте. Дело будет закрыто быстро и аккуратно. – Он помолчал, давая ей понять, что контролирует все даже в ее сценарии. – Но настоящая игра, Александра, только начинается. И я буду с интересом наблюдать, как долго твой таинственный союзник продержится, когда поймет, что его сдали... еще до того, как он успел сделать следующий пост.

Александра не дрогнула. Слова Габриэля повисли в воздухе, но не нашли ни малейшей щели в ее броне. Вместо ответа она совершила несколько медленных, идеально отточенных

движений: ее пальцы изящно обхватили ножку бокала, она поднесла его к губам и сделала небольшой, но уверенный глоток красного вина. Темная жидкость, словно капля крови, на миг оставила след на ее безупречной помаде.

Она поставила бокал с тихим, но четким стуком, который прозвучал как точка в этом споре.

– Твои фантазии становятся все увлекательнее, Габриэль, – ее голос был ровным, почти скучающим, будто она комментировала погоду. – Играть в Шерлока Холмса, сидя здесь, это, конечно, оригинально. Жаль только, что твои догадки так же плоски, как вино, которое ты выбираешь. – Она позволила себе легкую, ядовитую усмешку. – Если тебе так не терпится найти этого анонима, займись чем-то полезным. А меня оставь в покое со своими детективными бреднями.

Александра Рид отодвинула стул, ее движения были плавными и полными холодного достоинства. Она встала, поправила складку своего платья и, не удостоив его больше взглядом, молча направилась к выходу. Ее осанка, ее отступление – все кричало о победе, а не о бегстве.

«Жалкий червь. Ты ползаешь у моих ног и думаешь, что унюхал мой след? Ты видишь лишь то, что я позволяю тебе увидеть. Каждый твой шаг, каждая твоя «гениальная» догадка – всего лишь ниточка, которую я тебе подбросила. Ты танцуешь под мою дудку, Габриэль, и даже не догадываешься об этом», – пронеслось в голове Александры, пока она подходила к мраморной лестнице в холле.

«Красный платок... Да, это мой вызов. Моя подпись. Я бросаю его тебе прямо в лицо, а ты лишь строишь догадки. Ты ищешь «союзника», потому что твое мелкое эго не может допустить, что это все – дело моих рук. Что такая гиена, как ты, не способна на такое». – Александра поднималась по ступеням, медленно скользя рукой по холодному перила, а ее длинная, искаженная тень падала на стену, как предзнаменование.

«Бойся. Бойся каждого шепота за спиной, каждого взгляда. Игра только началась. Я буду методично рушить все, что ты ценишь, и ты будешь знать, что это я. Но доказать – не сможешь. Никогда. Ты просто очередная жертва в моем списке».

После горького признания дочери в душе Селены воцарилась ледяная пустота. Она не заслужила ни прощения, ни доверия Валери – это был неприкрытый, болезненный факт. Но совсем скоро она вновь услышит ее голос. Тот самый голос, что из инструмента бунта должен был превратиться в идеальное оружие для мафии и прозвучать на весь мир.

Порыв ночного ветра внезапно ворвался в комнату, заставив взметнуться алые шелковые шторы, словно призрачные языки пламени. С почти ритуальной медлительностью Селена поставила полупустой бокал с кроваво-рубиновым вином на журнальный стол, затянутый белым саваном-простыней, и направилась к роялю.

Ее каблуки глухо стучали по паркету, нарушая гнетущую тишину забвения. Вся роскошная гостиная была похожа на склеп: причудливые силуэты мебели угадывались под белыми покрывалами, все было застывшим и покрытым толстым слоем пыли ушедшего времени. Даже с массивной хрустальной люстры, как символ окончательного запустения, свисала серебристая паутина, и по ней медленно спускался паук-одиночка.

Селена не обратила на это ни малейшего внимания. Ее мир сузился до одной цели. Она резким движением сорвала простынь с рояля, подняла тяжелую крышку и извлекла оттуда толстую папку, с которой клубы пыли взметнулись в лунный свет.

С зажатым в руке досье она вернулась к окну. Холодный свет полной луны, проникая внутрь, выхватывал из мрака ее статную фигуру и вытягивал на пыльном паркете длинную, искаженную тень – тень правительницы темного мира, готовящейся к удару.

– Уже завтра Геллосанд начнет узнавать о первых грехах своих ангелов, – ее голос прозвучал низко, властно и безжалостно, разрезая тишину, как лезвие.

Она расстегнула замок папки. Ее пронзительный взгляд скользнул по содержимому: фотографии с видеонаблюдения, отчеты, неопровержимые доказательства предательства. Все было на своих местах. На ее идеально сохранившемся лице, озаренном лунным светом, проступила едва заметная, холодная улыбка – не радости, а торжества безжалостной мести.

Тишина в зале стала густой, тягучей, словно ее тоже можно было потрогать. Она длилась всего несколько секунд, но успела вобрать в себя страх мужчины, пыль забвения и холодную решимость Селены. Резко развернувшись, она бросила толстую папку на полированную крышку рояля, словно это была не улика, а просто очередная партитура.

Ее шаги по паркету отдавались глухим эхом в пустом пространстве. Она прошла мимо журнального стола, где стоял нетронутый бокал с рубиновым вином. Ее пальцы, изящные и смертоносные, даже не дрогнули, когда она обошла его стороной и взяла со стула компактный пистолет с матовым покрытием. Холод металла был единственным прикосновением, которое она жаждала сейчас почувствовать.

– И ты мне в этом поможешь, мой ангелочек, – ее голос прозвучал мягко, почти ласково, но от этого стало только страшнее. Уголок ее губ на мгновение дрогнул в подобии улыбки, когда ледяной взгляд скользнул в центр комнаты.

Там, на коленях, подчиняясь невидимой силе ее воли, сидел мужчина. Его дорогой синий костюм был помят, а белоснежная рубашка расписана алыми разводами. С разбитой губы медленно стекала тонкая струйка крови, смешиваясь с соленым потом, залившим его лоб. Но самое пугающее были его глаза – широко распахнутые, зеленые озера чистого, животного страха.

– Когда предоставишь мне все финансовые отчеты компании «Aeterna Pictures», я позабочусь о безопасности твоей беременной жены, – продолжила Селена, и в ее интонациях зазвучали стальные нотки человека, предлагающего сделку, от которой нельзя отказаться. – И подготавливаю вам двоим новые жизни. Вдали от всего этого. Твой босс ничего не узнает.

Мужчина судорожно сглотнул ком страха в горле и, зажмурившись, часто закивал.

Селена медленно подошла ближе, ее тень накрыла его собой. Без всякой суеты она присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне. Распахнутое серое пальто мягко легло на пыльный пол. Она не спеша приставила холодный ствол к его виску, к влажной коже, где отчаянно стучала жилка.

Все ее выражение лица изменилось. Исчезли последние намеки на игру. Взгляд стал абсолютно пустым и бездонным.

– Если хоть одна цифра в отчете будет неправильной, – прошептала она так тихо, что он замер, затаив дыхание, – ты не увидишь больше ни жену, ни своего будущего ребенка. Понял меня?

Ее голос был тихим, почти интимным, но каждое слово обжигало, как раскаленное железо.

– Д-да, м-мэм, – выдохнул он, и это было похоже на предсмертный хрип.

Она медленно поднялась, и складки серого пальто мягко скользнули по полу, словно крылья ночной птицы. Холодный металл пистолета исчез в его глубине. Селена бросила последний, пустой взгляд на согбенную фигуру бухгалтера, в глазах которого навеки застыло осознание собственной обреченности.

«Страх – самый честный бухгалтер. Он всегда предоставляет окончательный отчет.»

Легкая, почти невесомая улыбка тронула ее губы, не достигая глаз. Селена развернулась и вышла из зала, не оглядываясь, оставив за спиной лишь звонкую тишину и горький вкус чужой сломленной воли.

Глава 6 Последний гвоздь

Ludovico Einaudi – «Experience», Max Richter – «On the Nature of Daylight», Radiohead – «How to Disappear Completely»

Эмма замерла в центре огромной сцены Большого театра, залитая ослепительным светом софитов. Ее белоснежное платье, словно второе сияние, переливалось под лучами, а в груди бушевало упоение и трепет. Она пела, и ее голос, бархатный и глубокий, лился по залу, огибая ряды затаившей дыхание публики. В эти первые мгновения она парила, чувствуя себя абсолютной победительницей, державшей в руках весь этот блестящий мир.

Но затем настал тот самый куплет. И внезапно, откуда-то из глубины, поднялся леденящий спазм. Горло сжалось стальным обручем, перекрывая воздух и звук. Девушка изо всех сил пыталась вытолкнуть ноту, ту самую, выстрадавшую, которую ждала и должна была услышать с самого первого ряда ее мать. Но вместо чистого звука раздался лишь сдавленный, жалкий срыв, провалившийся в гробовой тишине зала.

И в этой звенящей пустоте, словно насмешка, родился другой голос. Высокий, хрустально-чистый, идеальный. Тот самый, от которого у Эммы замирало сердце и стыла кровь. Голос *Селены Вайс*. Он плыл под сводами, заполняя собой каждую молекулу воздуха, и публика, опьяненная его красотой, машинально начала хлопать в такт. Они аплодировали призраку, иллюзии, в то время как на сцене, под безжалостным светом, стояла лишь одна она – маленькая, напуганная и совершенно одна в своем провале, заливаясь ручьем чужого триумфа.

Весь ее мир сузился до одного-единственного взгляда, до бледного лица в первом ряду. Больше всего на свете Эмма боялась снова увидеть в этих знакомых до боли голубых глазах холодное, все сметающее разочарование. И сейчас, прямо сквозь ослепительный свет софитов, она увидела именно это. Ее взгляд встретился с взглядом Софи, сидевшей в алом бархатном кресле.

Девушка замерла, надеясь на чудо, но его не случилось. С леденящим душу спокойствием Софи что-то шепнула бабушке, и обе женщины, не сказав ни слова, не выразив ни капли сочувствия, поднялись. Они развернулись и направились к выходу, их спины были красноречивее любых упреков. А толпа вокруг все еще редела, аплодируя призраку Селены, совершенно не замечая живого сердца, которое разрывалось на ее глазах.

Силы окончательно покинули Эмму. Ее колени подкосились, и она с глухим стуком упала на твердый пол сцены. По щеке девушки, обжигая кожу, скатилась единственная, горькая слеза.

– Не уходите, пожалуйста, – едва слышно прошептала она в такт аплодисментам, обращаясь в пустоту. – Я буду стараться. Только дайте мне шанс, пожалуйста...

Слезка упала на темные доски, и в этот миг произошло нечто ужасное. Гулкий зал вдруг резко опустел, поглотился гнетущей тишиной и мраком. Там, где только что сидела ее мать, теперь восседала Селена Вайс. Она непринужденно откинулась в кресле, скрестив на груди руки, а на ее губах играла едва заметная, но такая ядовитая улыбка. Поймав пораженный взгляд Эммы, та лишь приподняла бровь. Эмма машинально отшатнулась, по спине пробежали мурашки, а в горле встал комок леденящего, беспомощного страха.

Селена медленно поднялась с кресла, улыбка стала шире, но до глаз так и не дошла. Она сделала несколько шагов к сцене, ее хрустальный голос прозвучал тихо, но четко, прорезая пространство, как лезвие:

– Милая Эмма, – начала она, и в голосе звучала фальшивая жалость. – Ты все еще не поняла? Твоя мама наконец-то обрела ту дочь, о которой всегда мечтала. Она благодарит меня за то, что я избавила ее от долгой и утомительной игры в твое жалкое «старание».

Женщина сделала паузу, наслаждаясь эффектом, и заключила, почти шепотом, но с убийственной отчетливостью:

– Она попросила меня стать теми нотами, которые ты так и не смогла взять. И для нее это стало величайшим облегчением.

От этих слов сердце Эммы замерло, а потом рванулось в бешеной панике. Она проснулась. Резко села на кровати. Грудь болезненно вздымалась, а рот ловил воздух, которого катастрофически не хватало. Комната была окутана предрассветной мглой, а по спине струился ледяной пот. Эхо ядовитых слов Селины все еще висело в тишине, осязаемое и настоящее, как прикосновение.

Утро в Геллосанде началось с паники и очередных скандальных новостей, которые разлетались со скоростью света по соцсетям и транслировались практически на каждом экране города. Новый пост анонима набирал обороты. На этот раз в Интернет слили не только фотографии с видеонаблюдения с замазанными лицами людей, сидевших за круглым столом «Вавилона», но и произошло нечто иное: кто-то каким-то образом подбросил всем, кто был связан с мафией и прикрывал свои преступления, конверт с письмом. В нем печатными буквами было написано: *«Скоро прозвучит симфония, и вы первые услышите в ней свои грешки»*. В конце каждого письма красовался окровавленный скрипичный ключ – словно печать дьявола.

Увидев этот музыкальный знак, Софи Райн вскрикнула и швырнула письмо обратно на комод. Руки ее предательски тряслись, а перед глазами встала четкая, как наяву, картина: шестнадцатилетняя Софи, глядя на испуганную Селену, провела острым крылом статуэтки золотого соловья по своей руке. Кровь выступила из разреза, а сама она рухнула на пол в полумраке закулисья.

– Ч-что ты делаешь? – в ужасе прошептала Селена, замершая на месте.

Вместо ответа Софи разрыдалась и начала звать на помощь. Когда в комнату ворвались мать и охрана, Софи встретила Селену взглядом, и тут же указала на нее дрожащей рукой.

– Это она напала на меня! Она сделала все, чтобы я проиграла! – рыдала Софи, прижимая окровавленную руку к груди.

Картина сменилась, перенеся ее в полицейский участок. Когда Селену спросили, зачем она ранила подругу, взгляд девушки изменился, став ледяным.

– Не можешь смириться с поражением? Из-за проигрыша в конкурсе готова похоронить нашу дружбу и обвинить меня в чем угодно?

После этих слов воспоминания рассеялись, и Софи вновь смотрела на тот самый окровавленный скрипичный ключ, что когда-то стал печатью ее лжи. Джонатан, в этот момент вошедший в спальню с письмом в руке, вывел Софи из оцепенения своим вопросом:

– Что все это значит, черт возьми?!

Уголок губ Софи все еще дрожал, когда она медленно развернулась к мужу. Их взгляды встретились. Джонатан прищурился.

– Ты ведь знаешь, кто мог это подбросить, не так ли? – он сделал шаг ближе.

Вся реакция Софи выдавала ее осведомленность, и Джонатан в этом не сомневался. Он остановился прямо перед ней и поднял к ее лицу свое письмо.

– Что ты натворила в прошлом, Софи? Я должен это знать, чтобы найти способ все прикрыть и не позволить СМИ копаться в наших семейных секретах.

Не сводя с него взгляда, Софи молчала, но через мгновение не выдержала и зажмурилась.

– Это я убила Селену.

Джонатан уже знал это, но сделал вид, будто услышал признание впервые.

– Что?

Софи открыла глаза и разжала кулак.

– Это я попросила Валентина подстроить аварию семь лет назад, – выдохнула она.

Софи не могла поверить, что призналась в этом кому-то, ведь эту тайну знали лишь Валентин и ее личный помощник, который помог похоронить в архивах все записи с камер-наблюдения. Райн никогда и никому напрямую не признавалась, что убила бывшую подругу, наивно надеясь, что после этого жизнь наконец наладится. Но она глубоко заблуждалась. Совершив этот грех, она убила не только Селену... она убила и себя. Свою душу.

Глядя сейчас на мужа, женщина готова была убить и его. Ведь теперь Джонатан знал ее главную тайну. А что в Геллосанде делают с теми, кто узнает правду? Верно. Убивают.

– Ты что... сделала? – с наигранным шоком переспросил Джонатан.

Софи криво усмехнулась и выхватила из его рук письмо с той же зловещей фразой и таким же окровавленным скрипичным ключом в конце. Несколько секунд она сверлила бумагу взглядом, а затем с яростью разорвала сначала его письмо, а потом и свое, что только что лежало на комод.

Джонатан видел, как дрожат ее руки, с какой ненавистью она рвет эти клочки бумаги. Он не выдержал и в следующий миг резко обнял ее, развернув к себе.

– Что бы ты ни сделала, я позабочусь, чтобы никто об этом не узнал, – проговорил он нежно, но в глазах у него горел огонь, жаждущий расплаты. И видело это только зеркало на туалетном столике.

Софи обняла мужа в ответ, уже придумав, как избавиться от него и всех доказательств. В Геллосанде любовь – это когда не бьют, а незаметно втыкают нож в спину.

Этот день настал. Тот самый день, когда Алекса наконец выписали из больницы. Прежде чем уйти, он, недолго думая, опираясь на костыли, направился к Адриану. Тот стоял в коридоре спиной, безмолвно наблюдая за ноябрьским утром за окном. Солнце светило ослепительно, пытаясь согреть холодный воздух своими хрупкими лучами.

Алекс выдохнул, нарушая тишину.

– Ты что-то еще вспомнил?

Услышав вопрос, Адриан едва заметно улыбнулся уголком губ и завел руки за спину. После комы его каждую ночь преследовали одни и те же обрывки: визг мотоцикла, вкус крови и размытый силуэт девушки. Вспомнив недавние слова Алекса, он медленно обернулся.

– Нет, – прозвучал спокойный, почти ледяной ответ. Адриан сделал шаг вперед. – И не вижу смысла копаться в прошлом. Девушка, которую ты хочешь, чтобы я вспомнил... ее не существует.

Алекс напрягся, до белизны сжимая рукоятки костылей.

– Так зачем вспоминать тех, кого нет? – продолжил Адриан, не отводя взгляда.

Снова кривая улыбка. Он похлопал Алекса по плечу и двинулся к палате. Спустя пару секунд Алекс не выдержал и крикнул ему вдогонку:

– Она существует! Если ты не вспомнишь ее, она может умереть от твоей же руки! Мафия этого и хочет от тебя!

Адриан замер. Не оборачиваясь, усмехнулся:

– Если даже под дулом пистолета я не вспомню ее... значит, она для меня никто.

Когда он скрылся за углом, к Алексу приблизился мужчина в черном костюме и кожаной куртке, с чемоданом в руке. Один из присланных отцом.

– Все готово. Я отвезу вас, – сообщил он бесстрастно.

Алекс уже почувствовал, как мир начинает рушиться, как вдруг увидел Луизу. Подруга Валери только что переступила последнюю ступеньку лестницы, уткнувшись в телефон. Напрягая все силы, он проскакал к ней на одной ноге, опираясь на костыли, и схватил девушку за плечи.

– С этого момента будь с Вэл и не дай ей пересечься с отцом и Габриэлем, – процедил он, глядя прямо в ее голубые глаза.

Луиза в тот же миг вырвалась из его хватки. Гордо задрав подбородок, она с презрением бросила:

– Кто ты вообще такой, чтобы раздавать приказы? После того как предал Валери дважды, все еще считаешь себя принцем на белом коне, который спешит ее спасти? – Луиза сделала паузу и наклонилась чуть ближе, отчего короткая рыжая челка выпала из-за уха. – Не переживай. Я спасу свою подругу от таких, как ты. Предателей на белых конях.

С этими словами она обошла Алекса, оставив его с болью в сердце. Каждое ее слово вошло, словно гвоздь, забиваясь все глубже и глубже. Отвлечься от боли заставил голос мужчины. Кивнув ему, Алекс направился к лифту.

Адриан тем временем наконец переступил порог палаты. Не успел он сделать и шага, как маленький щенок выпрыгнул из рук Александры, стоявшей у окна, и помчался к нему, отчаянно виляя хвостом.

Парень удивленно вскинул бровь, переводя взгляд с матери на зверька, которого совершенно не помнил. Но в тот миг, когда щенок жалобно заскулил, в сознании Адриана резко, как удар тока, вспыхнули обрывки прошлого.

Сначала он увидел, как сбил этого малыша на машине, как потом боролся за его жизнь, чувствуя под пальцами слабое, учащенное сердцебиение. Картина мгновенно сменилась, перенеся его в особняк маэстро. Там другой щенок, чуть иной масти, звонко тьявкал, подлаивая под звуки рояля, за которым сидел Джек Лейман. А рядом... смеялась девушка. Ее лицо было размыто, но смех – чистый, звонкий, будто капельки дождя по стеклу – пронзил Адриана насквозь. Этот смех... от него сердце сжалось и забилось чаще, отозвавшись ноющей болью в висках. Он был до мурашек знакомым и до слез чужим.

Схватившись за голову, Адриан пошатнулся и едва не упал, инстинктивно вцепившись тут же той рукой в край матраса. Александра тут же бросилась к сыну, подхватила его и усадила на кровать, не отпуская его холодную руку в своих теплых ладонях.

Когда водоворот воспоминаний отступил и давящая боль в висках наконец отпустила, Адриан опустил взгляд. Прямо перед ним сидел щенок, подняв к нему мордочку с двумя бездонными грустными глазками-пуговками.

– С тобой все хорошо? Мне позвать врача? – обеспокоенно спросила Александра, не сводя с сына взгляда.

Адриан на миг зажмурился, а затем потянулся за таблетками, лежавшими на тумбочке.

– Не нужно, – бросил он, глотнув таблетку и запив ее водой.

Когда он поставил пустой стакан на место, Александра опустила на корточки и достала из сумочки коричневую папку. Недолго помолчав, она подняла на сына тяжелый взгляд.

– Я обещала, что когда-нибудь расскажу тебе всю правду, – начала она и, сделав глубокий вдох, на выдохе продолжила: – Прежде чем тебя выпишут отсюда, ты должен кое-что узнать.

Адриан усмехнулся. Его уже достало, что все твердят: он должен то, должен это... Сначала Алекс, потом отец, а теперь и мать.

– Если и ты пришла напомнить о той девчонке, то уходи, – раздраженно ответил он.

Однако следующие слова Александры окончательно выбили его из колеи – словно кто-то молотком вбил гвоздь ему в сердце.

– Я не твоя биологическая мать. И не я спасла тебя в аварии.

В голове Адриана зазвенело, а слова застряли в горле, будто шипы ядовитой розы, которые пришлось глотать.

– Твоя биологическая мать мертва, – продолжила Александра с болью в глазах. – Все эти годы я собирала доказательства и вела собственное расследование по делу, которое закрыли пятнадцать лет назад. – Она аккуратно сжала ладонь Адриана и положила папку ему на колени.

– Веронику Романову убил твой отец за то, что она первой узнала правду и собиралась рассказать всему миру о преступлениях, которые он скрывает. – Сделав паузу, Александра с сочувствием сжала губы и нанесла последний удар. – Твоя мать была из России. Она была скрипачкой и встретила Габриэля во время его гастролей.

Адриан не издал ни звука. Он замер, превратившись в статую, в которую вбили тот самый последний гвоздь. Все его раздражение, усталость и высокомерие разом испарились, будто их и не было.

Его лицо побледнело, став почти того же оттенка, что и больничная простыня. Взгляд, только что полный огня, теперь стал пустым и остекленевшим, уставившись в одну точку на коленях, где лежала та самая папка.

Он медленно, почти механически, отдернул руку из ладоней Александры, словно ее прикосновение теперь обжигало. Его пальцы, сначала дрогнувшие, затем сжались в белые, напряженный кулак, впиваясь ногтями в кожу ладоней.

Губы парня чуть задрожали, он будто пытался что-то сказать, но не мог выдавить ни звука, а только короткий, сдавленный выдох, больше похожий на стон. Он резко отвел взгляд от матери, уставившись в стену, но было видно, что он не видит ничего. Его зрачки метались, пытаясь найти точку опоры в рушащемся мире.

Затем взгляд Адриана упал на папку. Он не схватил ее, а лишь медленно, как во сне, положил на нее ладонь, ощущая шершавую поверхность. В его позе читалась не просто пустота, а полная, абсолютная опустошенность, будто из него вынули весь стержень. Все его «я», вся его личность, построенная на этой семье, рассыпалась в прах за несколько секунд.

И главное – полная, оглушительная тишина. Он не кричал, не плакал, не отрицал. Он просто... исчез внутри себя, оставив снаружи лишь оболочку человека, в сознании которого рухнула вся вселенная. Щенок, наблюдая все это время за Адрианом, вдруг носиком уткнулся в его ногу и заснул.

Глава 7

Обжигающая правда

Lana Del Rey – «Video Games»(Orchestral Version), Florence + The Machine · «Seven Devils», Sevdaliza – «Human»

Утро Валери началось с того, что она заперла партитуру в тумбе, будто опасную улику, и погрузилась в драму «Шеф-повар для тирана». Но даже сквозь сладкую интригу корейской мелодрамы в наушниках назойливо прорывались проклятые ноты, звучащие у нее в голове. Чтобы заглушить их, она нащупала взглядом первую попавшуюся книгу на кресле – «Преследуя Аделин» – и принялась листать страницы, не отрываясь от экрана ноутбука.

Признание матери все перевернуло. После него жить в этой реальности, где каждый готов солгать и предать, стало невыносимее. Всего две недели молчания. Четырнадцать дней, в течение которых нужно хранить все в себе. Операция на связках была лишь первым шагом. Валери не сомневалась в том, что настоящий ад еще впереди.

Резко захлопнув книгу и поставив драму на паузу, она сорвала наушники. Босые ноги утонули в мягких тапочках. Взгляд на мгновение сверлил глухую дверцу тумбы, пальцы судорожно сжали край простыни... но она не потянулась к ручке. Сглотнув ком в горле, Валери отвернулась к окну. Снаружи ярко светило солнце, и с ветки плавно кружась падал одинокий желтый лист.

Девушка прикрыла веки, позволив памяти увлечь себя в извилистый лабиринт воспоминаний. Перед внутренним взором всплыла одобрительная, по-отечески теплая улыбка маэстро, звонкий, будто хрустальный перезвон, смех старшей сестры и мамы – эти образы перенесли

ее в тот хрупкий мир, что жестоко разрушили. Безжалостно уничтожили. Мир, из которого навсегда вырвали Валери.

Когда в вихре воспоминаний неожиданно проступил знакомый зал школы искусств – она за роялем, ее пальцы бегут по клавишам, выводя сложные пассажи, а рядом стоит Адриан, его рука тянется, чтобы перевернуть страницу партитуры, – Валери вздрогнула, словно от прикосновения раскаленного металла, и резко открыла глаза. Сердце болезненно сжалось. Почему всякий раз мысли упрямо возвращались к нему? Почему она до сих пор хранила в памяти каждую черточку его лица, каждый взгляд, в то время как он стер ее из своей жизни и начисто отрицал само ее существование? Горечь подкатила к горлу – это была чудовищная несправедливость.

Валери отчаянно нуждалась в том, чтобы отвлечься, заглушить навязчивую музыку в голове и этот болезненный хор воспоминаний. И словно в ответ на ее безмолвную мольбу дверь в палату открылась. Увидев на пороге Луизу, Валери готова была возблагодарить всех богов на свете за то, что ее молитвы были услышаны.

– Приве-е-ет! Надеюсь, ты не успела еще заскучать здесь в одиночестве, – звонкий, как весенний ручеек, голос подруги мгновенно заполнил стерильную тишину палаты, наполнив ее теплом и жизнью. – Я примчалась к тебе сразу же, как только разобралась с мамой и ее бесконечным лечением.

Лу с хлопком поставила на тумбочку увесистый пакет и принялась выкладывать на стол яркие, свежие, фрукты, без остановки щебеча обо всех последних новостях. Валери ловила каждое ее слово, каждый смех, как тонущий хватается за спасательный круг. И по мере того как голос подруги заполнял пространство, навязчивая музыка в ее голове становилась все тише и тише, отступая вглубь сознания.

– Кстати, – вдруг остановилась Лу и присела на край кровати, так что пружины слегка прогнулись под ней. – Ты слышала новость, что Адриан, возможно, станет участником группы «Night Devils»¹? Пока что это лишь слухи и теории фанатов, гуляющие по соцсетям, но в сегодняшнем выпуске «Утра со звездой» сам Габриэль Рид упомянул, что если его сын захочет вернуться к музыке – даже если в другом жанре и стиле – он не против.

Слова подруги заставили Валери внутренне сжаться. Группу «Night Devils» продюсировал ее отец. Что это могло значить? Либо Адриан попал в ловушку двух мафиозных королей, либо уже добровольно перешел на их сторону и скоро начнет приносить им деньги: на расширение их влияния и другие темные дела. Вся ситуация пугала Валери до дрожи, но все, что ей пока оставалось – надеяться, что это всего лишь слухи. Молча взяв телефон с одеяла, она отправила Лу сообщение: *«Не думаю, что это окажется правдой»*.

Луиза тут же достала из кармана джинсов свой гаджет, прочитала и пожала плечами. В следующее мгновение ее лицо озарилось восторгом:

– А мне лично нравится эта группа! Там такие горячие парни! Если к ним присоединится Адриан, вселенная точно схлопнется! – Валери закатила глаза, пока Лу с энтузиазмом листала галерею на телефоне. Наконец она нашла фото: двое парней стояли спиной к спине на фоне огненной стены, с обнаженными торсами и татуировками в виде скрипичного ключа, объятые пламенем, на предплечьях. – Вот они! А теперь представь рядом с ними Адриана... Это же будет еще жарче, да?

Валери с тяжелым вздохом скривилась и снова взяла телефон. Ее пальцы быстро пробежали по экрану: *«Если Адриан станет участником группы, это значит лишь одно – он заключил сделку с дьяволом. То есть с мафией»*. Брови Луизы взметнулись вверх, а на лице застыла смесь неверия и отрицания. Валери с безрадостной улыбкой похлопала ее по плечу. Луиза на

¹ Ночные дьяволы

секунду застыла, глаза расширились от непонимания, а затем она громко и нервно рассмеялась, отмахиваясь рукой, будто отгоняя назойливую муху.

– Ой, перестань! Какая мафия? Ты слишком много этих своих дорам пересмотрелась, – она ткнула пальцем в экран телефона, где все еще пылал огнем скрипичный ключ. – Это же просто крутая группа! Ребята делают классную музыку, у них миллионы просмотров, гастроли... Это бизнес, Вэл, огромный и блестящий бизнес. При чем тут вообще твой отец и его... дела?

Она умолкла, впервые внимательно взглядевшись в напряженное лицо подруги. Улыбка постепенно сошла с ее губ, уступая место нарастающей тревоге. Она понизила голос до шепота, будто боясь, что их подслушают даже в этой больничной палате.

– Валери... Серьезно? Ты правда думаешь, что он... что они...? – Она не договорила, сглотнув. – Но он же... Адриан. Он играл Баха, ради всего святого. Как он может...

Валери горько усмехнулась и снова замерла над экраном. Ее пальцы быстро пробежали по клавиатуре: *«Адриан меня не помнит, как ты знаешь. Мафия этим воспользуется. Они могут заставить его сделать что угодно. Габриэль Рид и мой отец сейчас охотятся за партитурой, которую оставил нам маэстро Джек Лейман. Они настоящие дьяволы, Лу. Они уничтожат все, что откроет правду об их преступлениях. А она вся – в этих нотах».*

Луиза, читая сообщение, медленно поднимала глаза от телефона к подруге, ее лицо постепенно менялось – от любопытства к ужасу и пониманию. Она на миг сжала губы, будто пытаясь удержать внутри себя поток мыслей.

– Вот теперь я понимаю, – тихо, почти шепотом, выдохнула она, смотря на Валери с новой, горькой осведомленностью. – Кажется, я поняла, почему ты так старательно избегала разговоров о том, кто твои родители.

На ее лице появилось виноватое выражение, и она потянулась, чтобы положить свою руку на руку Валери.

– Прости меня. Я... я не представляла.

В этот момент на телефоне Валери вспыхнуло уведомление от незнакомого номера. Девушка машинально открыла сообщение, и замерла. Воздух застрял в легких, когда она увидела старую фотографию: она десятилетняя, за роялем, рядом – улыбающийся маэстро. Снимок был испещрен бурыми пятнами, похожими на кровь. Почти сразу пришло второе сообщение, ровно в тот миг, когда Валери судорожно сглотнула ком в горле: *«Сожги эти ноты, иначе сгоришь сама сегодня ночью».*

Валери отшвырнула телефон, будто он обжег ей пальцы. Лу, мгновенно поняв, что дело плохо, подхватила гаджет и прочла сообщение.

– Вот же мрази... – прошипела она, бросая взгляд на остолбеневшую подругу. – Это же твой отец прислал, да?

Внезапно дверь в палату распахнулась, впуская Селену. Ее взгляд скользнул по дочери, затем по телефону в руках Луизы. Мгновение – и она уже выхватила его, одним движением узнала номер, и с силой швырнула гаджет на пол. Каблук ее сапога с хрустом обрушился на экран.

Пока Луиза стояла в оцепенении, пытаясь осознать происходящее, Селена приблизилась к дочери и впиалась пальцами в ее предплечье, заставляя поднять глаза.

– С этого момента ты не пишешь и не звонишь никому, поняла? – ее голос прозвучал холодно и отчужденно, точь-в-точь как у Сабрины. От этого становилось еще страшнее – особенно когда знаешь, что перед тобой стоит мать, притворяющаяся тетей, которая когда-то умерла вместо нее.

Тем временем в конце коридора, в другой палате, Адриан открыл папку. Из нее бесшумно выскользнуло и упало на пол пожелтевшее письмо. Александра, не говоря ни слова, наклонилась, подняла его и протянула парню. Затем, бережно взяв на руки щенка, она поднялась и, прежде чем уйти, обронила тихо, почти шепотом:

– Когда прочитаешь письмо от матери и будешь готов... позвони мне.

Недолго постояв в нерешительности, Александра лишь сжала губы в тонкую ниточку и бесшумно покинула палату. Как только дверь закрылась, отрезав последнюю связь с внешним миром, Адриан машинально, почти оцепенелыми пальцами, развернул конверт.

«Дорогой Адриан, если ты сейчас читаешь это, значит, я уже мертва...»

Этих первых строк хватило, чтобы воздух застрял в легких, а сердце сжалось в ледяной ком. С каждым новым словом, с каждой обнаженной горькой правдой, где-то глубоко внутри него закипала и росла черная, всепоглощающая ярость. Ненависть. К конкретному человеку. К миру. К бессмысленной, удушающей несправедливости всего сущего.

«Прости меня, сынок. Я знала на что иду».

После этих последних слов нижняя губа Адриана предательски дрогнула, и по щеке, обжигая кожу, медленно скатилась слеза. В последний раз он плакал в шесть лет, и с тех пор его тело впитывало лишь пот, кровь и горечь. Иногда правда – это не свет, а обжигающее пламя. Сейчас же в отлаженном механизме его души произошел сбой, сломался какой-то важный клапан.

Он сжал письмо, почти не видя слов, и в голове само собой всплыло воспоминание: ему пять лет, и он сидит в саду, оплетенном розами. Его настоящая мать – не та, что подменила ее после, а та, единственная – с мягкой, светящейся улыбкой играет для него на скрипке колыбельную. Солнце пробивалось сквозь листву, а звуки скрипки смешивались с ароматом цветов. Это было так давно, что казалось сном. Сном, который оборвался, как струна.

– Мама, – прошептал Адриан, и это слово обожгло ему губы, прозвучав чужим и одновременно до боли родным. Он закрыл глаза, пытаясь удержать хрупкий образ. Парень не приносил его с тех пор, как та, что обещала вернуться и доиграть его колыбель, бесследно исчезла, оставив после себя лишь призрачный след в памяти, как остатки забытой мелодии. – Мама, – вновь повторил Адриан, и по его щеке потекла еще одна слеза – ровно в тот миг, когда за спиной, за окном, с дерева сорвался сухой коричневый лист и замертво рухнул на землю. – Я никогда не прошу тебя, – прошипел он, сжимая письмо до хруста. – Никогда! Ты обещала, что вернешься, а вместо этого бросила меня в этом аду с дьяволом, который не имеет права быть моим отцом!

И эта правда, ядовитая и безжалостная, вонзилась в него, как фальшивая нота, разорвав в ключья тихую мелодию его прежней жизни.

День для Валентина начался удачно. Давно вселенная не радовала его так, как сегодня. Когда у всех все было плохо, Валентину приносило это удовольствие. Сидя в кабинете в кресле, которое было для него скорее трон, Валентин Вайс с улыбкой разглядывал фотографии из папки, что только что принес секретарь. Двадцать пять снимков, и среди них – Адриан с Валери в больнице. Глядя на кадр, где Валери сидела в палате в наушниках, Валентин откинулся на спинку кресла и усмехнулся. Сегодня его единственная дочь попала в паутину паука, сама того не подозревая. Выберется ли она из нее или нет, будет зависеть лишь от ее выбора: сожжет ли партитуру маэстро или сама прыгнет в огонь.

Взяв следующие три снимка, Валентин остановил взгляд на фотографии, где Сабрина выходила из автомобиля. Следующий кадр был с Александрой Рид – та получала от нее черную папку и флешку, сидя в ресторане «Вавилон» у самого окна. Рассмотрев эти снимки, Валентин вспомнил день, когда на допрос явилась Сабрина. Эта женщина когда-то пугала его своим сходством с Селеной. Со временем Валентин научился различать сестер-близнецов по походке. Его жена, Селена, в отличие от Сабрины, была мягче. Она ходила не как львица, притягивающая все взгляды, к тому же была куда доверчивее. Именно поэтому Селеной было проще управлять. Для Валентина она являлась всего лишь проектом – собачкой, с которой он игрался.

Она стала его первой; именно из нее он сделал знаменитость. Селена Вайс взобралась на вершину славы благодаря сделке с дьяволом, сама не подозревая, какую именно заключила. Ее талант и упорство стали лишь частью того успеха. Глядя теперь на фото Сабрины, Валентин не мог отделаться от мысли: что-то здесь не так. Его жена умерла семь лет назад, но почему, глядя на ее сестру, ему казалось, будто она где-то рядом? Взяв телефон со стола, Валентин набрал номер личного помощника. Гудки шли недолго.

– Собери всю информацию о Сабрине, сестре Селены. Где она была все эти семь лет с момента аварии на мосту, – приказал он и положил трубку, снова уткнувшись в фотографии.

Едва Валентин перевел взгляд на следующие три снимка, как дверь кабинета распахнулась, впуская Джонатана. Тот проигнорировал попытки секретаря его остановить и ворвался без стука. Вайс поднял голову и жестом велел им остаться одними. Когда секретарь удалился, задернув дверь, Валентин убрал фотографии в ящик стола, сложил руки в замок и уставился на Джонатана. Тот стоял перед ним, наклонившись вперед, впиваясь ладонями в столешницу.

– Чем могу помочь? – без церемоний начал Валентин.

Взгляд Джонатана буквально кричал о том, что ему все известно. Все – включая того, кто разрушил его бизнес-империю. Его скулы были напряжены до боли.

– Я знал, что ты мразь, но чтобы настолько... – с яростью процедил он.

Валентин хищно усмехнулся, не дав договорить:

– Все мы мрази, мой дорогой друг. Каждый по-своему грешен. – Он сделал паузу, с наслаждением наблюдая за яростью и огнем в глазах Джонатана. – Ты пришел ко мне, чтобы я помог скрыть от СМИ грешки твоей жены и вернуть репутацию твоей компании, верно?

Пауза затянулась. Но ответа и не требовалось – Валентин и так знал, что Джонатан рано или поздно к нему придет.

– Расслабься, Джо, – наконец нарушил тишину Валентин. – Я все для тебя улажу. Но взамен кое-что расскажешь и ты.

Джонатан едва заметно приподнял бровь. Он чувствовал себя униженно, но выбора у него не было. Помочь подняться со дна в этой ситуации мог только Валентин – убийца его первой любви. Наблюдая за реакцией друга, Валентин усмехнулся уголком губ и тут же спросил:

– Семь лет назад, где ты в последний раз видел Сабрину?

Джонатан выпрямился.

– С Сабриной? – переспросил он.

– Да.

Задумавшись, Джонатан погрузился в воспоминания. С сестрой Селены он общался редко и всегда ловил ее на лжи, когда та пыталась притвориться его первой любовью.

– На дне рождения Валери. За три месяца до аварии, – наконец вспомнил он. – А что?

Валентин ненадолго задумался, а затем вновь устремил взгляд на Джонатана.

– Так, проверить кое-что нужно было. – Он мгновенно сменил тему. – Итак, договоримся: ты забываешь все, что знаешь об аварии, а я возвращаю репутацию тебе и твоей жене.

Джонатану оставалось лишь кивнуть и следовать плану. Как только все уладится с компанией «Mercedes-Benz Group AG», он перейдет к следующему этапу. Райны не прощают ни предательства, ни лжи. Глядя сейчас в глаза Валентину, Джонатан уже видел, как пуля из его пистолета вонзается в сердце дьявола.

В Геллосанде каждый придерживался простого правила: держи за спиной либо нож, либо пистолет. *На всякий случай.*

Холодный ветер наконец отпустил Александру Рид, когда она захлопнула дверь машины, прижимая к себе щенка. Этот комочек тепла стал ее единственным спасением в прогнившем насквозь городе.

Сегодня ей снова приснился кошмар. Тот самый день в аэропорту: она, сбивая в кровь руки о бетонные обломки, отчаянно пыталась найти дочь. Этот сон приходил все чаще. Иногда она просыпалась в ледяном поту, с кровавыми подтеками на пальцах – во сне она так яростно копалась в завалах, что царапала саму себя. Но сегодня все было иначе. Джеки спас ее: он лизал ладони, не давая когтям безумия впитаться в кожу. И сон оборвался в самый страшный миг – вместо дочери среди руин она вдруг обнаружила этого самого щенка.

Теперь, сидя на заднем сиденье и механически глядя его шерсть, Александра не заметила, как погрузилась в воспоминания. Перед глазами проплывали образы: пятилетняя дочь в бирюзовом сарафане, беззаботно игравшая с плюшевым мишкой, качающаяся на качелях и бегущая к ней, широко раскинув руки... К маме, которая присела на корточки с улыбкой, готовясь обнять свое солнце.

Из прошлого ее вырвал теплый собачий язык, лизнувший щеку. Александра вздрогнула, опустила щенка на колени и перевела взгляд на папку, лежавшую рядом. Вскрыв ее, она сразу же наткнулась на личные данные курьера, перевозившего нелегальный груз в музыкальном футляре, и результаты экспертизы содержимого.

С каждым новым листом сердце ее сжималось от ярости. Вот имена тех, кто стоял за распространением этого яда. Вот схемы поставок, отмывание денег, прикрытие... Все это – империя, выстроенная ее мужем и его другом Валентином.

– Я лично отправлю вас в ад, Габриэль и Валентин, – прошипела она, сжимая бумаги так, что костяшки побелели. И тут же отдала водителю новый адрес. Пришло время действовать дальше.

Глава 8

Вальс с дьяволом

Lana Del Rey – «Ride», Chelsea Wolfe – «The Culling», PJ Harvey – «The Words That Maketh Murder», Björk – «Bachelorette»

До выступления на конкурсе оставалось три с половиной часа. Эмма с утра не находила себе места, нервно царапая кожу затупившимися ногтями и покусывая нижнюю губу до крови. Внутри ее пожирал страх – страх не оправдать ожиданий, не взять ту высокую планку, которую годами выстраивала мать. Практика перед каждым выступлением была неизменной: специальные таблетки, притупляющие тревогу. Сегодня не стало исключением. Хотя до выхода на сцену оставалось еще так много времени, Эмма не выдержала и, перед встречей с бабушкой, приняла сразу три пилюли, запив их водой.

«Мать все равно ничего не заподозрит. Она никогда не интересуется моим состоянием», – проносилось в голове у Эммы, когда она с силой закручивала пробку на бутылке. Глоток воды должен был смыть привкус таблеток и материнских слов.

В это время Софи в соседней комнате, стоя перед зеркалом, аккуратно вдевала в мочки ушей серебряные серьги с алыми кристаллами – подарок бабушки на годовщину свадьбы.

«Я выиграю сегодня. Я всегда идеальна».

Повторив это про себя снова и снова, словно защитную мантру, Эмма позволила служанке застегнуть платье сзади. В зеркале на нее смотрел ангел, сошедший с небес: длинное платье, воздушное и легкое, цвета свежей мяты внизу и белоснежное на груди, расшитое тонкими, мерцающими узорами, подчеркивало ее хрупкость. Легкий румянец, нежно-розовые губы и идеальные черные стрелки довершали образ миловидной невинности. Девушка полностью слилась с этой изящной маской, вжилась в нее с головой. Скептически улыбнувшись своему отражению, Эмма взяла из бархатной шкатулки, которую служанка держала наготове,

серьги – изящные серебряные змейки. Вдев их в уши, она встретилась взглядом со своим зеркальным двойником.

– Ну, как я? – выдохнула девушка.

Служанка тут же, не медля ни секунды, выпалила, словно под прицелом:

– Вы выглядите потрясающе, мисс Райн!

Довольно улыбнувшись, Эмма убрала прядь белых волос за ухо и опустилась на кожаный пуфик. Легким движением она протянула служанке телефон и попросила сделать несколько снимков. Та, не проронив ни слова, сделала шаг в сторону, чтобы ее отражение не попало в кадр, и замерла с телефоном в руках.

На фотографии Эмма застыла в том самом платье, в котором ей предстояло выйти на сцену. Воздушный силуэт, идеальные складки ткани, томный взгляд – все складывалось в безупречную картину. Взяв телефон обратно, она одним резким движением отшвырнула в сторону оказавшийся рядом лист с нотами и стерла с лица тень задумчивости. В следующее мгновение пальцы уже листали ленту в соцсети, выбирали лучший ракурс, ставили фильтр.

«В любое время музыка делает меня счастливой. До встречи на сцене!» – легкий, будто невзначай брошенный текст ложился на публикацию.

И все это была ложь. Но Эмма давно научилась носить маску – она была наследницей династии Райнов, для которых музыка была не страстью, а эталоном. Невысказанным правилом, железным и безупречным.

– Как же бесит, – раздраженно бросила девушка, швыркнув телефон на пуфик. – И как люди глотают это все?

Служанка бесшумно удалилась, оставив Эмму наедине с зеркалом и десятками нарядов, висевших по обе стороны комнаты. Как только она закрыла глаза, пытаясь подавить накопившую ярость, дверь снова отворилась, впуская Софи.

Встретившись взглядом с матерью, Эмма инстинктивно встала по стойке «смирно». Холодные пальцы Софи потянулись к ее щеке, убирая невидимую соринку – жест, от которого кровь стыла в жилах. Женщина смотрела на дочь не как на родную кровь, а как на отточенное оружие, которое должно выстрелить без промаха. Как на идеальную статую, которую она ваяла долгие годы ради одного-единственного дня.

– Сегодня ты покажешь своей бабушке, чего ты действительно достойна, – голос Софи был ровным и тихим, как лезвие по коже. Она сделала паузу, давая каждому слову проникнуть в самое нутро. – Если подведешь... забудь о том, что ты моя дочь.

Эмма сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. В комнате вдруг стало морозно, будто выключили отопление. Ни мать, ни дочь не проронили больше ни слова.

До выступления Эммы оставалось три с половиной часа.

До конца жизни одного из демонов Геллосанда оставалось три с половиной часа.

Валери осталась без телефона и ноутбука, но это не избавило от гнетущего чувства, что у стен этой больницы есть уши и глаза. За ней следили. Повсюду.

Происшествие утром заставило Селену действовать решительно. Она добилась у лечащего врача досрочной выписки, убедив его, что обеспечит дочери полноценный домашний уход с медсестрой для процедур. Естественно, не обошлось без конверта с денежным вознаграждением, который женщина положила на стол. В этом мире любые договоренности решались именно так.

Уже через два часа Валери стояла перед знакомым фасадом, громко хлопнув дверью автомобиля. Бывшим домом. Там, куда она клялась не возвращаться. Увы, утром туда, где она жила, кто-то проник и устроил погром. Подтверждение тому было на фото и видео в теле-

фоне Селены. Та специально съездила туда, чтобы доказать дочери: оставаться одной сейчас – смерти подобно.

– Видимо, кого-то подослали. Ищут партитуру Леймана, – озвучила ожидаемую версию Селена еще в машине, пока Валери с ужасом листала снимки.

На одном из них, на стене в гостиной, было выведено той же красной краской, что и в утреннем сообщении от отца Валери: *«Сожги эти ноты, иначе сгоришь сама сегодня ночью»*. Воспоминание об этой угрозе вспыхнуло в сознании, и Валери с силой пнула пожелтевший лист клена, лежавший на земле у подножья каменных ступеней, испещренных трещинами. Внутри все закипало до боли – хотелось кричать, рвать на себе этот душащий шарф, проклинать всех и вся. Но нельзя было. Только сжать зубы до хруста.

Пальцы сами потянулись к шарфу на шее, будто ища опоры, а взгляд медленно пополз вверх по мрачному фасаду особняка. Когда-то эти стены были домом – местом, где пахло вишневым пирогом и звучал теплый, искренний смех, улыбались самые близкие люди, играя с нежностью за роялем. Теперь от него веяло ледяным сквозняком забвения и тихим ужасом.

По спине скользнуло прикосновение – рука матери. Валери резко дернула плечом, скидывая его, и сделала первый шаг навстречу прошлому, что поджидало ее наверху. Ветер, словно сочувствуя, яростно запутал ее волосы, пытаясь удержать.

– Если ты все еще злишься, что я разбила твой телефон с ноутбуком, прости. Я завтра куплю тебе новые, – поднималась следом Селена, с трудом неся тяжелую сумку с вещами.

«Нет, мама. Я злюсь за то, что ты бросила меня на семь лет и все это время лгала, притворяясь любящей тетей», – пронеслось в голове у Валери, но губы не дрогнули.

Селена, обогнав ее, вставила ключ в замочную скважину. Слабый щелчок прозвучал как выстрел. Дверь в особняк со скрипом отворилась, выпустив наружу затхлое, спертое дыхание заброшенного дома.

Валери замерла на пороге, зажмурилась и на три секунды задержала дыхание, прежде чем переступить через него. Родной когда-то дом, больше похожий на дворец из прошлых веков, населенный призраками и легендами, встретил ее густой пылью, серебристыми паутинами в углах и призрачными фигурами мебели, укрытыми белыми простынями. Первое, что ощутила Валери, сделав несколько шагов по пыльному паркету, – острая боль в сердце от каждой угадываемой в полумраке детали. Сглотнув ком в горле, она замерла посреди зала, в то время как ее мать уверенно направилась к массивной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Сегодня же вызову людей, чтобы привели здесь все в порядок. Не переживай, спать будешь без пыли и пауков, – бросила Селена, ее голос гулко отозвался под высокими потолками.

Когда мать скрылась на втором этаже, Валери медленно повела взглядом по стенам, где угадывались очертания картин под белыми простынями. Ее внимание притянул рояль у широкого окна в пол, наполовину скрытый тяжелой, пропыленной бархатной портьерой.

И снова накатило то странное, щемящее чувство. Уверенность, что она уже была здесь... совсем недавно. Девушка лихорадочно начала перебирать воспоминания, пытаясь найти тот миг. Сделав шаг к инструменту, ее осенило. Сон. Именно во сне она была здесь с Адрианом. Он целовал ее, а она сидела на этих самых клавишах.

«Не может быть! Этого не было!»

Валери пыталась отогнать видение, но оно ворвалось в сознание с новой силой, показывая ту же комнату, те же призрачные очертания мебели. Она зажмурилась, инстинктивно ухватившись за край рояля. Когда глаза вновь открылись, взгляд упал на толстую папку, лежавшую на крышке инструмента, и рядом – на пожелтевший лист с нотами.

Любопытство оказалось сильнее страха. Она схватила папку и, открыв ее, начала листать. С каждой перевернутой страницей, с каждой фотографией нарастал ужас, который душил ее

изнутри, царапая душу ледяными когтями. Правда о прошлом семей Лейманов, Ридов и Вайс оказалась куда ядовитее, чем она могла представить.

Предательства. Убийства. Коррупция. Теневые сделки. Легальный и нелегальный бизнес, опутавший весь город. Измены. Подставы. Все это в одно мгновение перевернуло образ когда-то любимой и казавшейся чистой семьи.

Положив папку на крышку рояля, Валери схватила пожелтевший лист с нотами. Взгляд скользнул по тактам – на первый взгляд, обычная партитура. Но стоило приглядеться, и некоторые быстрые ноты, паузы и отрывистые ноты казались подозрительно выверенными, будто шифром. Это была не музыка, а послание, закодированное в звуках.

Пока она вглядывалась в знаки, пытаясь разгадать их тайну, в самой глубине ее сознания тихо прозвучал первый аккорд. Еще один. И вот уже мощные басовые громкие аккорды обрушились на разум настоящей звуковой лавиной. Боль в висках стала невыносимой, и Валери, зажав уши ладонями, в ужасе рухнула на колени. Внутри нее гремела чужая симфония разрушения – мелодия, сотканная из выстрелов, взрывов и криков.

Она пыталась закричать, но могла лишь беззвучно рыдать, чувствуя, как слезы льются по ее лицу. Сознание выскользнуло из настоящего и перенеслось в залитый огнем аэропорт. На миг ее душа вселилась в ребенка, смотрящего, как с грохотом рушится бетонный потолок, навстречу которому тянутся его маленькие руки.

Тем временем Селена, заметившая состояние дочери, стремительно спустилась по лестнице и бросилась к ней, впиваясь пальцами в ее плечи. Валери всем телом содрогалась от каждого грохочущего аккорда в голове.

– Смотри на меня и дыши, – приказала она ледяным тоном. – Открой глаза, Лери! – повторила громче, почти рыча.

Валери с трудом разлепила веки, ощущая, как слезы смешиваются с пылью на ее щеках. Выровнять дыхание казалось невозможным. Она механически повторяла за матерью вдохи и выдохи.

– Дыши, – давила Селена, не ослабляя хватку. Ее пальцы были твердыми и холодными. – Вот так. Молодец. Глубокий вдох. Медленный выдох.

Девушка уставилась в глаза матери, но взгляд Селены был пустым и сфокусированным где-то за ней.

– Не знаю, что ты там увидела, но запомни раз и навсегда: с этого дня тебе предстоит жить в музыке. – Селена выпрямилась, ее движения были отточенными и резкими, и отчеканила: – Если научишься петь или играть, когда тебя разрывает изнутри, станешь бессмертной.

От этих слов внутри Валери все оборвалось. Услышать такое от родной матери было все равно, что принять пулю прямо в сердце – выпущенную ее же рукой.

Возникшую ледяную тишину между матерью и дочерью разрезал звук оповещения на телефоне Селены. Та, не меняя выражения лица, достала его из кармана пальто, коротко ответила на сообщение и вернула испепеляющий взгляд на Валери.

– Запомни: что бы сегодня ни случилось, не вздумай сжигать партитуру Леймана. Она в твоей сумке, – ее голос звучал как сталь по стеклу. Сделав несколько шагов к выходу, Селена вдруг замерла в дверном проеме, обернувшись через плечо. – А, и еще... Если станет скучно, включи телевизор ровно в четыре. Я сегодня устраиваю небольшое шоу. Надеюсь, ты оценишь.

Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки, после чего она скрылась за дверью, оставив Валери в звенящей тишине, нарушаемой лишь эхом проклятых аккордов в голове.

Когда за дверью наконец стихли шаги, Валери не выдержала.

Она резко дернула с дивана белую простынь, взметнув облако пыли, и с силой швырнула ее на пол. Затем схватила первую попавшуюся подушку – выцветшую, пропахшую затхлостью – и изо всех сил запустила в глухую дверь, за которой скрылась мать. Следом полетела вторая подушка, потом третья. Она не могла остановиться, ведь нужно было выплеснуть эту душасую

ярость, это чувство полного бессилия. Валери разрывало от гнева, а в голове стоял оглушительный хаос, где обрывки мыслей сталкивались с обжигающими воспоминаниями.

«Какое еще шоу?! О чем ты вообще?!»

«Бросила на семь лет! Лгала мне в глаза! А теперь приказываешь: «Не сжигай», «Дыши», «Будь бессмертной!» Как тебе удобно, мамочка!»

«Кто ты вообще?.. И кто тогда я, если моя мать – это... это?»

И сквозь этот вихрь, словно укол, пронзительная мысль:

«Папка... В той папке были ответы. Они должны были быть...»

Последняя подушка бесшумно сползла на паркет. Внезапно в звенящей тишине стало слышно ее собственное дыхание: неровное, срывающееся. Ярость, еще секунду назад плававшая в жилах, начала оседать тяжелым свинцом в животе. А на смену ей поднималось что-то новое: холодное, острое, цепкое.

Решимость.

Ее пальцы инстинктивно сжали край дивана. Фраза матери отозвалась в памяти четким, ледяным эхом: *«Не сжигай партитуру».*

«Не сжигай...»

Значит, в этих нотах есть что-то важное. Что-то, чего мать боится потерять. Что-то, ради чего она вернулась.

«Хорошо, мама, – мысль пронеслась, острая, как лезвие. – Не сожгу. Но ты не сказала, что мне с ней нельзя делать. Я изучу ее. Каждый знак. Каждую паузу. Я вскрыю твой шифр и шифр маэстро, как вскрывают сейф».

Взгляд Валери медленно скользнул по пыльным стенам, по теням, прячущимся в углах. Особняк молчал, храня тайны. Семь лет молчал.

«Она что, всерьез думает, я буду сидеть тут сложа руки и ждать ее циркового представления в четыре? Нет уж. Семь лет ты скрывалась. Семь лет лгала. Ты не могла стереть все. Здесь должны быть следы».

Мысли, еще недавно хаотичные, теперь выстраивались в четкий, неумолимый план. Детективный ход.

«Кабинет отца... Ее спальня... Чердак...»

Чердак. Там были старые сундуки. Детские вещи. Ее вещи.

«Где бы ты прятала свои секреты, мама? – Валери медленно выпрямилась, сметая с колен пыль. – Найдём. Я найду все».

Первым пунктом своего расследования Валери наметила собственную спальню. Поднявшись на второй этаж, она оказалась в длинном коридоре, где с потолка свисали ленты поблекших обоев, а в потрескавшейся штукатурке зияли темные щели. Воздух был неподвижным и спертым, пахнувшим пылью и забвением.

И вдруг, прямо в этой давящей тишине, воспоминания нахлынули на нее: коридор наполнился теплым светом, а вместо скрипа под ногами зазвенел беззаботный смех. Она и сестра, задыхаясь от смеха, пробежали мимо, играя в догонялки и уворачиваясь от отца. Картина растаяла так же внезапно, как и появилась, когда под ногой громко скрипнула половица.

Валери толкнула дверь в свою комнату. В последний раз она была здесь семь лет назад, за несколько дней до аварии. Именно тогда она доверила Марии свой секрет, прошептав на ушко: *«Мне нравится, как играет на скрипке Адриан».* И тут же добавила: *«Но он никогда не должен об этом узнать. Его гордость, по-моему, этого недостойна».*

Горькая улыбка тронула губы Валери. Она подошла к комоду, где в пыльной рамке застыло время: семейная фотография на фоне новогодней елки из зала и детский рисунок девятилетней себя. На нем были изображены ноты и неуклюжий портрет матери, а внизу разноцветными фломастерами выведено: *«Спасибо за любовь к музыке, мамочка».*

Отведя взгляд от этих призраков прошлого, она повернулась к кровати с пожелтевшим балдахинном и, подойдя, принялась рыться в своей сумке. Нашупав жесткую папку, она извлекла партитуру Джека Леймана.

С этим трофеем Валери покинула свою детскую спальню и направилась в комнату родителей. Длинный коридор встречал ее навязчивым скрипом половиц, будто предупреждая, что некоторые двери лучше не открывать.

Комната, в которую она вошла, была монументом забвения. Время сделало здесь свое дело: укрыло все густым слоем пыли, расписало стены паутиной трещин, разбило окно, сквозь которое теперь врвался ветер, играя ключьями порванных штор.

Со стола и шкафа девушка сдернула белые простыни, поднимая облака пыли. Методично, ящик за ящиком, она проверяла содержимое. Пусто. Ни намек на ответ, ни клочка правды.

Оставался лишь чердак – последнее прибежище секретов, которые не смогли спрятать внизу. Когда Валери поднялась туда, ее встретила не просто комната, погруженная в царство пыли и паутины, а скорее склад, где коробки и потертые чемоданы громоздились башнями.

Скинув с некоторых простыни, девушка принялась открывать каждый ящик и рыться в вещах. Сначала ей попадалась старая одежда, семейные фотографии, всевозможные декоративные безделушки, которые когда-то любила ее старшая сестра Мария, а еще куклы и мягкие игрушки. В какой-то момент Валери не выдержала и от бессилия пнула ближайшую коробку. Та с грохотом полетела вниз, увлекая за собой еще три. Одна из них ударилась о пол и раскрылась, рассыпав веер бумаг.

Заметив на одной из них медицинские заключения, Валери убрала выбившуюся прядь черных волос за ухо и, присев на корточки, подобралась поближе к окну. Подобрала с деревянного пола несколько листков, она принялась читать, пробегая взглядом строчку за строчкой, страницу за страницей.

Среди всех этих документов девушка нашла медицинские заключения на своего отца и его свидетельство о рождении. Все, что она знала о нем все это время, оказалось ложью. На самом деле Валентин был сиротой: его мать умерла от рака, а отец – серийный убийца, психопат с двойной натурой, покончил с собой в тюрьме. Чем дальше Валери читала, перелистывая старые, порванные в некоторых местах бумаги, тем больше убеждалась: ее же семья и разрушила ту иллюзию об идеальном мире, в котором она жила в детстве.

В голове Валери проносились воспоминания, и в каждом из них она видела отца. Его улыбка, что раньше дарила тепло, теперь вызывала лишь ужас. То, что она списывала на свою впечатлительность, теперь обрело зловещий смысл. Сложившийся пазл ранил правдой больше, чем удар ножа в спину.

Сглотнув ком в горле, девушка схватила следующую пачку бумаг и замерла: перед ней лежало соглашение о сделке. Согласно ему, семья Селены, используя свои связи в полиции, обязывалась похоронить в архивах все дела серийного убийцы-психопата и уничтожить любое упоминание о том, что он – отец Валентина. Взамен Валентин должен был прославить Селену в мире музыки.

«Неужели семья мамы... заключила сделку с дьяволом?» – эта мысль, острая и обжигающая, пронзила сознание Валери, едва она перелистнула страницу. – *«Знала ли она сама, на что их толкает? Или ее прекрасный голос... был всего лишь платой за молчание?»*

Девушка не выдержала и с силой отшвырнула документы. Они упали, и в следующее мгновение из соседней коробки выпала партитура. Подняв ее, Валери увидела знакомые ноты.

«Что?.. "Вальс с дьяволом"...»

Руки Вайс задрожали, а дыхание сбилось, когда в сознании знакомые ноты начали звучать.

Это был вальс, который когда-то, почти в шутку, начали сочинять вместе при маэстро Валери и Адриан. Дальше пятого такта они ничего не придумали и забыли о мелодии. А сейчас

перед девушкой лежала та самая партитура, где кто-то дописал недостающие ноты в такты, и теперь они оживали у нее в голове.

Вскочив на ноги, она помчалась вниз. Оказавшись в зале у рояля, Валери расставила на пюпитре все ноты, в том числе и те, что нашла на чердаке. Что-то в них ее смущало, но что именно – она пока не могла понять. Лишь несколько секунд спустя, открыв крышку инструмента и сыграв первые три такта одновременно с разных партитур, она в ужасе отдернула руки от клавиш. Зазвучавшая мелодия будто бросила ее в огонь.

Пересилив себя, Валери снова подошла к роялю и продолжила играть. Едва пальцы коснулись клавиш, звуки вернули ей воспоминание: она с Адрианом подсматривали, как их отцы о чем-то шептались за столиком в «Вавилоне», а перед Габриэлем лежал договор. Какой именно – Валери не успела прочитать, потому что ее отвлек смех Адриана, баловавшегося молочным коктейлем.

– Наша империя будет расти, а искусство – процветать, – это было последнее, что услышала Валери от отца. Игра оборвалась.

Пальцы горели. Дыхание сбивалось. Казалось, еще мгновение, и она рухнет без чувств. Но нет, сквозь пелену в глазах девушка ощущала пол под ногами и все еще стояла, вцепившись в пыльные клавиши.

Выровняв дыхание, Вэл снова взглянула на партитуры и наконец поняла, что ее смущало. Эти звуки... В некоторых диссонансах маэстро умудрился зашифровать не только ее воспоминания, но и чужие тайны. Самое страшное, что здесь были те самые обрывки ее прошлого, которые, вероятно, стер ей отец с помощью препаратов, когда она лежала в клинике.

Пальцы вновь легли на клавиши. Пробежавшись взглядом по тактам, Валери выбрала десятый и одиннадцатый. Глубокий вдох и затем она сыграла. Музыка обволокла ее, и в тот же миг комната растворилась, отбросив в прошлое.

Перед ней снова был тринадцатилетний Адриан. Его палец прижался к ее губам, приказывая хранить тишину, а в глазах стояла мольба и отчаяние.

– Если однажды нам придется стать врагами, чтобы выжить... убей меня первым. Я – монстр, как и мой отец. Он ради власти и выгоды пойдет на любое безумие. Такие, как мы, не должны править этим миром.

Валери резко скинула его руку.

– Ты не монстр! – выдохнула она. – И если мы станем врагами, наша музыка вправит нам мозги. Она заставит нас вспомнить, кто мы, и обязательно помирит.

Финальный аккорд прозвучал и растаял, возвращая ее в пустой зал. Валери замерла. Она совершенно не помнила этого разговора. Облизнув засохшие губы, девушка рискнула сыграть пятнадцатый и шестнадцатый такт «Вальса с дьяволом» и тут же пожалела. Музыка вонзилась в сознание, явив картину: на крыше заброшенной больницы, под проливным дождем, парень в куртке и девушка в пальто, чьих лиц она не видела, направили друг на друга пистолеты. Всего несколько секунд, один аккорд – и грохнул выстрел. Боль ударила в виски, заставив Валери согнуться и рухнуть на колени.

«Что за чертовщина?! Что все это значит, маэстро?!» – пронеслось в сознании девушки, сквозь стиснутые зубы.

Боль в висках разъедала ее изнутри. Кое-как поднявшись на ноги, Валери добрела до дивана и рухнула на него. Зловещие ноты продолжали жечь разум, звуча в ушах навязчивым эхом. Вспышки видений сменяли друг друга: то кровь на партитуре, то дуло пистолета и шахматные фигуры, то силуэты, танцующие вальс под призрачный оркестр в огромном зале с куполом, где на стенах застыли фрески с ангелами и облачными небесами.

Веки Валери сомкнулись сами собой. Когда же она вновь открыла глаза, реальность перевернулась. Вместо пыльного дивана ее окружал колонный зал, тонувший в сиянии хрустальных люстр. Она стояла в центре, и ее тело облачало черное платье из бархата, струящееся до пола.

Глубокий разрез сбоку открывал стройную ногу, а золотая вышивка, подобно паутине, охватывала лиф и подол, переливаясь при каждом движении. Волосы были убраны в изошренную гульку, но две волнистые пряди, непокорные, ниспадали на обнаженные плечи, едва касаясь кожи прохладными завитками. Оглядевшись, девушка увидела одинокую мужскую фигуру в безупречном костюме. Он стоял к ней спиной, а в его руках пела скрипка.

– Что происходит? – тихо выдохнула Валери и тут же вздрогнула от звука собственного голоса.

Автоматически схватившись за шею, она с изумлением осознала, что на коже не было ни бинтов, ни шрамов – ни единого следа от операции. Тем временем мелодия скрипки продолжала литься, наполняя зал и растворяясь в гуле эха под сводами. Когда мужская фигура развернулась, девушка замерла, парализованная изумлением. Перед ней стоял маэстро. Джек Лейман.

Но это был не тот безжизненный лик с фотографии на поминках. Его лицо было живым, в глазах искрилось тепло, а на губах играла та самая улыбка, которую Валери запомнила с его последнего концерта. Когда зазвучали знакомые ноты, Джек Лейман взглянул на девушку, не прерывая игру.

– Слышишь? – его голос был спокоен, как поверхность глухого озера. – Это ноты твоих и Адриана воспоминаний. Сыграй с ним «Вальс с дьяволом» и получишь ответы. Но помни: сгорит в огне хоть одна нота – сгорит и твоя жизнь.

Звук скрипки нарастал, становясь все громче и разрывистее. Мелодия больше походила на стон и плач ангела, которому вырвали крылья и бросили на поле боя к демонам. Игра маэстро ужасала и завораживала одновременно.

– Играй, Валери, играй и не бойся этой тьмы, – продолжал он. – Сыграв ту симфонию, которую я тебе оставил, ты прольешь свет во тьму, что породили твой отец и Габриэль.

Он сделал паузу, и скрипка взвыла особенно пронзительно.

– Но не обольщайся мыслью, что можно что-то исправить. Прошлое – это партитура, которую нельзя переписать. Можно лишь сыграть ее. И осмелюсь дойти до конца, даже если знаешь, что соришь в финальном аккорде.

Едва Валери открыла рот, чтобы задать вопрос, маэстро начал таять в воздухе, растворяясь в клубах тумана. Звук скрипки затихал, становился все призрачнее и тоньше, пока не растаял окончательно. А затем девушка вздрогнула и очнулась – ровно в тот миг, когда в зал вошли люди из клининговой компании. Одна из женщин окликнула ее, чтобы представиться и подписать документы.

Глава 9

Фасад безупречности

Lana Del Rey – «Young and Beautiful», Agnes Obel – «Familiar», Massive Attack – «Paradise Circus»

Семь лет назад. Три месяца после аварии.

Вода, густо усыпанная алыми лепестками роз, сомкнулась над головой Селены в тот самый миг, когда за окном вспыхнула огнями Эйфелева башня. Такси и крики города превратились в приглушенный гул, а сияние символа Парижа расплылось в багровом мареве.

Шел уже третий месяц ее метаморфозы. Три месяца, как она отчаянно вживалась в роль Сабрины – блистательной актрисы, не знающей отказа в роскоши. Для Сабрины Париж был домом и сценой, где свершилась ее величайшая мечта – главная роль в экранизации нашумевшего дарк-романа.

Но для Селены этот город был сумасшедшим домом. Здесь по каплям утекал ее рассудок, и с каждым днем она теряла крупницы своего настоящего «я». Муж сестры не видел в ней человека, а лишь инструмент, дорогой актив своего агентства.

Находясь в тишине под водой, выпуская медленные пузыри воздуха, Селена снова услышала в сознании его железный, неумолимый голос: *«Сыграй эту роль блестяще, дорогая. Не подведи наше агентство».*

«Сыграй... Сыграй... Сыграй...»

Этот приказ отдавался эхом в ее сознании, навязчивый и удушливый. Неужели теперь всю свою жизнь ей придется кого-то играть? Нет. Это было уже слишком. Глубоко в груди, под слоем навязанных чужих эмоций, тлела искра ее подлинного «я».

«Цена за вход в эту новую жизнь оказалась непомерной, – с горечью подумала она. – Джеймс и Валентин платят деньгами. А я плачу душой».

Мысль о сестре, которая отдала за нее жизнь, пронзила сердце острой, свежей болью, и в тот же миг закалила ее решимость, как сталь. Она вернет свое имя. Она вернет память о сестре. Цена уже заплачена.

С этим обетом Селена резко вынырнула из воды. Капли стекали с ее кожи, как слезы, которых она себе не позволяла. Ее рука потянулась к бокалу с кроваво-рубиновым вином. Пальцы сомкнулись на хрустальной ножке, подняли его. Один глоток – терпкий, обжигающий, придающий сил.

И тогда ее взгляд, холодный и без единой трещинки сомнения, устремился в окно, на сияющую Эйфелеву башню. Губы, смоченные вином, приоткрылись, и в роскошной тишине ванной комнаты прозвучала не клятва, а приговор:

– Я вернусь к тебе, Валентин. Я соберу все доказательства твоих уродливых грешков. И тогда я с твоей дочерью сыграем на твоих похоронах такую похоронную симфонию, от которой содрогнется сама преисподняя.

Месяц спустя.

Тихий ужин в их роскошных апартаментах был нарушен внезапно. На огромном телеэкране, как удар кинжалом, возникло лицо Валери. Интервьюер с сладковатой улыбкой задавал вопрос: *«Скучаешь ли ты по маме?»*

Селена вздрогнула, будто ее нервы внезапно пронзил диссонансный аккорд, разорвавший тишину. Пальцы судорожно сжали вилку так, что костяшки побелели. Ее реакция не ускользнула от Джеймса. Мужчина, не меняя выражения лица, взял пульт и одним щелчком сменил канал – теперь показывали церемонию «Оскара» годичной давности, безмолвный и безопасный карнавал чужих побед.

– Как они смеют задавать такие вопросы подростку? – прошипела Селена, ее голос дрожал от сдерживаемой ярости.

Джеймс, невозмутимо пережевывая стейк, лишь пожал плечами:

– Это СМИ, дорогая. Ты же знаешь, они готовы порыться в твоём белье, лишь бы поднять рейтинги.

Но Селена уже не слышала. Аппетит бесследно исчез, а в горле стоял ком. От одного взгляда на еду ее мутило, а сердце сжималось от ноющей, знакомой боли. Внезапно Селену пронзила страшная мысль: а не предала ли она собственную дочь, прикрываясь ложной защитой? Да, она исправно отправляла деньги и получала стерильные отчеты с фотографиями от личного ассистента. Но все это была лишь пыль в глаза. Она остро чувствовала, как с того самого вечера, что разделил их жизнь на «до» и «после» аварии, между ними выросла настоящая пропасть – бездонная и молчаливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.